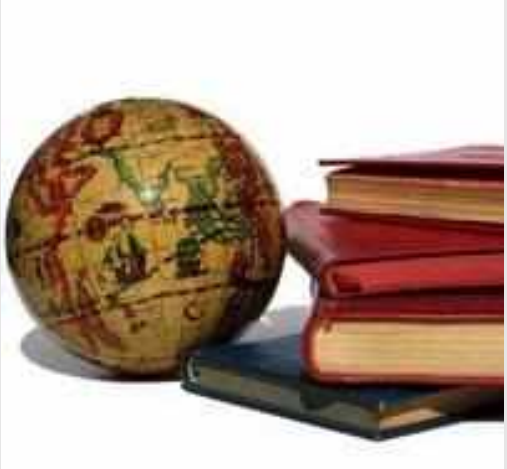
Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Государственное образовательное учреждение
высшего образования
«Адыгейский государственный университет»

Кафедра отечественной истории, историографии, теории и методологии истории

Э.А. Шеуджен

История исторической науки: теоретические проблемы

Учебно-методическое пособие



Майкоп, 2018

Печатается по решению Научно-методического совета
Адыгейского государственного университета

УДК 930.1 (075.8)
ББК 63. 2 я 73
Ш 52

Рецензент: доктор исторических наук, профессор Н.А. Почешхов

Шеуджен Э.А. История исторической науки: теоретические проблемы. Учебно-методическое пособие. – Майкоп: Изд. АГУ, 2018. - 72 с.

Предлагаемое вашему вниманию комплексное учебно-методическое пособие доктора исторических наук, профессора Э.А. Шеуджен, предназначенное магистрантам исторического факультета не имеющим базового исторического образования, призвано дать обобщающие представления о предмете, основных функциях, структуре и периодизации исторической науки. В пособие представлены базовые теоретические проблемы, практические задания для самостоятельной работы, словарь терминов и понятий, список рекомендованной литературы, контрольные вопросы и задания.

© Исторический факультет АГУ, 2018

С О Д Е Р Ж А Н И Е

ВЕДЕНИЕ.....

ИСТОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ: ПОНЯТИЯ, ФУНКЦИИ, КАТЕГОРИИ.....

Этимология и современное значение понятия «история» .....
Смысл и назначение истории .....
Функции исторической науки.....
Критерии и признаки развития исторической науки.....
Объект, предмет и субъект исторического познания.....
Принципы структурирования исторической науки.....
Проблема междисциплинарности.....
Историческая память.....

ПЕРИОДИЗАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ .....

Древний Восток (IV–I тыс. до н.э.).....
Античность (VII в. до н.э.–V в. н.э.).....

Средневековье (V– XV вв.).....
Новое время (конец XV в. – конец XIX в.).....
Новейшее время (начало XX в. — наши дни).....

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ. ***В поисках нового статуса исторического знания.....***

Словарь терминов и понятий.....
Практикум.....
Рекомендованная литература.....
Контрольные вопросы и задания.....

Наука вообще не заключается в коллекционировании приобретённого знания и в той или иной его систематизации. Она состоит в фиксации чего-то такого, чего мы еще не знаем, и в попытке это познать.

Р. Коллингвуд

ВЕДЕНИЕ

В наши дни историческая наука занимает все более значимое место в системе современного научного знания. Возрастание внимания к истории объясняется общим «ускорением» развития науки, влиянием концептуальных построений «новой истории», их постмодернистской критикой, интересом к теоретико-методологическим проблемам, объемом и разнообразием накопленных исторических источников, совершенствованием методологии, прагматической потребностью в обобщенном историческом опыте народов.

Немалые сложности связаны с особенностями истории как науки: десятки поколений историков пытались проникнуть в мир безвозвратно ушедшего прошлого, каждый раз убеждаясь, что в лучшем случае оказались на его туманных пространствах и перед ними, по-прежнему, простирается полная тайн непознанная «территория истории». Многовековой опыт развития народов неопровержимо свидетельствует, что отношение к историческому прошлому от эпохи к эпохе кардинально изменялось: то явственно проявлялась ностальгия по прошлому, то доминировала надежда на будущее. «То, как мы чувствуем прошлое не менее, а возможно, даже более важно, чем-то, что мы о нем знаем» *(Анкерсмит Ф. Возвышенный исторический опыт. М., 2007. С. 32).*

Сегодня научная деятельность историков оказалась в эпицентре общественной жизни. О проблемах истории спорят профессиональные историки, писатели, публицисты, журналисты, представители самых различных профессий. Общественный интерес к истории сопровождается не только критикой исторического прошлого, но и самой исторической науки (конкретных исторических трудов, учебников, сложившейся системы исторического образования и т.п.). Появилось огромное количество публикаций на исторические темы для «массового потребления». С одной стороны, они поддерживают интерес к истории, придают ему «массовый» характер, в то время как с другой — порождают мощные пласты мифологизированной истории.

Более того, несмотря на призывы и предпринимаемые усилия, истории так и не удалось стать в полной мере «чистой наукой», свободной от идеологических и политических интересов: многое из того, что имело место в прошлом, затрагивает современные общественные интересы. В этом смысле историки,

выполняя своеобразную социальную миссию, являются ответственными за «отбор» и «толкование» свидетельств, достойных быть увековеченными в массовом сознании. Именно анализ трудов выдающихся историков, ставших «моделями возможных исторических репрезентаций», позволяют судить о историческом прошлом (*Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург, 2002. С.23*). Учитывая современный уровень образованности значительного числа людей, история становится более «открытой». При этом нельзя не признать, что некоторыми знаниями о прошлом практически обладает каждый человек, без этого он оказался бы в состоянии манкуртизма.

Сложившуюся совокупность общественных дисциплин, изучающих различные аспекты человеческой истории в отличие от наук естественных и точных, принято называть системой гуманитарных наук. Будучи самостоятельными и относительно независимыми, они органически связаны между собой. Только в совокупности гуманитарные науки способны решать главную задачу, стоящую перед человечеством: познание прошлого и современного состояния общества с целью понимания его закономерностей и предвидения перспектив дальнейшего развития. История исторической науки требует знания хронологии, конкретных фактов, событий, что дает возможность их сопоставления, анализа, обобщения, репрезентации, позволяет выявить основные тенденции общественного развития, выйти на уровень научных концепций и теорий. В этом смысле по способу познания общественных явлений и процессов все общественные науки являются историческими.

Предлагаемое комплексное учебно-методическое пособие призвано дать обобщающие представления о предмете, основных функциях, структуре и периодизации исторической науки. В пособие представлены базовые теоретические проблемы, практические задания для самостоятельной работы, словарь терминов и понятий, список рекомендованной литературы, контрольные вопросы и задания. Изучение истории исторической науки является важнейшей часть общеобразовательной и мировоззренческой подготовки современных специалистов, способствует интеллектуальному развитию личности.

ИСТОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ: ПОНЯТИЯ, ФУНКЦИИ, КАТЕГОРИИ

Этимология и современное значение понятия «история»

Понятие «история», принадлежит к числу древнейших научных понятий. Первоначальное значение слова **«история»** восходит к древнегреческому термину, означавшему ***«расспрашивание, узнавание, установление»***. Уже в VII–VI вв. до нашей эры его широко употребляли древнегреческие философы при объяснении происхождения Вселенной, а также таких загадочных явлений, как магнетизм, солнечные затмения, землетрясения. То есть, в Древней Греции слово «история» означало любое знание, получаемое путём исследования, а не только собственно историческое в современном смысле. Так, древнегреческий философ **Аристотель (**384–322 гг. до н.э.) — использовал это слово в своем труде «История животных».

Долгое время понятие «история» относилась к литературе и искусству. Не случайно в греческой мифологии покровительницей истории считалась одна из муз, изображавшаяся в виде молодой женщины с одухотворенным лицом, со свитком папируса или пергамента в руке. Имя музы истории — **Клио** произошло от греческого слова *«прославляю»***.** Действительно, первые летописи, хроники, биографии посвящались, в основном, прославлению героев или правителей.

В римской историографии слово ***«история»*** стало обозначать рассказ о событиях прошлого. Вскоре «историей» стали называть вообще всякий рассказ о каком-либо случае, происшествии, действительном или вымышленном. Все более история отождествлялась с установлением подлинности, истинности событий и фактов.

Лишь в новое время за историей стал утверждаться близкий к современному смысл. Особый термин история (*history*) как последовательность прошедших событий появился в английском языке в конце XV в., а слово «исторический» (*historical*, *historic*) — в XVII в.

Фрэнсис Бэкон (1561–1626), английский философ, историк, государственный деятель, отмечал, что история — «знание о предметах, место которых определено в пространстве и времени», источником которого является память (так же как наука — плод размышлений, а поэзия — плод фантазии).

Автор одного из первых курсов по теоретическим проблемам истории: «*Энциклопедии и методологии истории»*, читавшемся в Берлинском университете **Иоганн Дройзен (**1808–1884) начинал его с «история». «Мы, ощущаем его значения.. замечаем, огромную массу созерцаний и опыта и достоверных соотнесены с уже не былыми вещами и отличие от других наших которые соотносятся с объяснения понятия употребляя его, приблизительность что несем в себе представлений, воспоминаний, понятий, которые существующими, событиями, в представлений, еще существующими» (*Дройзен И. Историка. СПб., 2004. С. 43).*

Представление о том, что такое история и чем она должна заниматься, исторически видоизменялось. В современной исторической литературе встречаются самые разнообразные определения предмета истории, вплоть до диаметрально противоположных (насчитывают до 30 дефиниций предмета истории как науки).

Сегодня закрепились два значения понятия история.

История — 1) в самом общем смысле означает реальный процесс развития природы и общества; 2) наука (историческая наука) изучающая во всей конкретности и многообразии, в пространстве и во времени прошлое.

Вопрос о взаимодействии этих значений выступает как одна из центральных методологических проблема: речь идет о соотношении реальной истории и наших знаний о прошлом, о возможности познания средствами исторической науки прошлого человеческого общества. При этом, существует и другая история, популярные в той или иной культуре, но не подтверждаемые источниками события, например, легенды о короле Артуре, русские былины, сказания о нартах. Такие истории, обычно считаются частью культурного

наследия, а не исследованием, которым должна быть история как научная дисциплина.

Во втором смысле нередко используется термин ***«историография»,*** состоящий из двух греческих слов: **«история»,** т.е. *разведывание, исследование прошлого* и **«графо»** — *пишу*. Обращаю ваше внимание еще на одно обстоятельство. Термином «историография» часто обозначают историческую литературу, по какому либо вопросу, проблеме, периоду. В этом смысле, принято говорить об историографии феодализма, историографии Великой Французской революции, историографии крестьянской реформы 1861 г. в России и т.п. Именно, подобные историографические обзоры, включаются в конкретные темы лекции по историческим дисциплинам и научные работы разных уровней, в том числе **квалификационные работы магистрантов**. Термин «историография» употребляется и как синоним исторических произведений, исторической литературы вообще. Исходя из такого понимания, авторов исторических произведений называют ***историографами.***

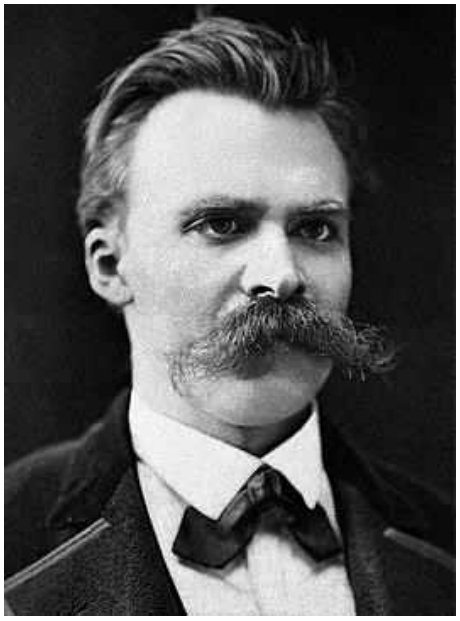
Смысл и назначение истории

Социальную роль любого значимого общественного явления можно понять только в том случае, если рассматривать его в единстве с развитием всего общества, в рамках всеобщего исторического процесса.

Как справедливо отмечал немецкий историк и философ XVIII в. **Иоганн Гердер (**1744–1803**),** человеческий род мог быть воспитан только самим собою и потому история исчерпывает как пороки, так и доблести человека. Сам же путь людей подобен лабиринту, со всех сторон окруженному ложными ходами и тупиками и только едва заметные следы ведут к скрытой в глубине цели (*Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977 С. 232– 233).*

Отсюда неизбежно возникают вопросы, касающиеся всей человеческой истории: существует ли какая-либо цель развития человечества? Имеет ли история какой-то определенный смысл? Знаменитая работа французского историка **Марка Блока** (1886–1944) «Апология истории или Ремесло историка» начинается с детского вопроса: «Папа, объясни мне, зачем нужна история?» (*Блок М. Апология истории. М., 1986. С. 6)***.** Постараемся на него ответить. Поиск цели, смысла истории имеет собственную длительную эволюцию в социально-философской мысли, которая вряд ли найдет когда-

либо свое завершение. Можно, конечно, сомневаться в правомерности этого поиска, учитывая, что история человечества не завершена, да и может ли человек судить об истории, находясь внутри ее непрерывного текущего потока?



Особое место в размышлениях на эту тему занимают идеи **Фридриха Ницше** (1844 – 1900), в частности, в одной из ранних работ «О пользе и вреде истории для жизни» он отмечал: «История нужна нам для жизни и для деятельности, а не для удобного уклонения от жизни и деятельности». (*Ницше Ф. Сочинение. В 2 т. Т.1. М., 1990. С.159*). Стадо, пишет он, «не знает, что такое вчера, что такое сегодня, оно скачет, жует траву, отдыхает, переваривает пищу», т.е. животное живет неисторически «оно растворяется в настоящем» (*Там же. С.161*).

При всем многообразии подходов можно выделить несколько общих положений:

► история наделена смыслом, поскольку она является средством для достижения определенных целей (таких, как укрепление власти, воспитание гражданственности, национального самосознания и т.п.);

► история имеет смысл как средство достижения тех идеалов, которые выработало человечество и которые оно стремится постепенно реализовать в ходе своей деятельности (свобода, равенство, всестороннее развитие человека, его благополучие и т. п.);

► у истории есть смысл, поскольку она ценна сама по себе в каждый момент ее существования, причем эта внутренняя ценность истории осознается людьми, живущими в истории, делающими ее и получающими удовлетворение от самого процесса познания жизни.

В целом, можно отметить, что ответ на вопрос о смысле истории определяется не одними абстрактными размышлениями, но и социальной позицией исследователя, его предпочтением одного типа общества другому.

Функции исторической науки

Будучи комплексной сферой научного познания общественного развития человечества, история как и любая другая наука, в первую очередь, выполняет **познавательную функцию.** Хотелось бы обратить ваше внимание на одно из наиболее емких замечаний выдающегося российского историка **Василия Осиповича Ключевского** (1841–1911) об истории, ее месте и роли в обществе. Он утверждал: «История — это власть, когда людям хорошо, они забывают о ней, и свое благоденствие приписываю себе самим, когда им становится плохо, они начинают чувствовать ее необходимость и ценить ее благодеяние» *(Ключевский В.О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968. С.265–266.)*

Важнейшее место занимает **образовательная** функция истории. Она заключается в разъяснении историками обществу сути познанных ими явлений, исторических путей, пройденных народами и государствами, причин былых успехов и неудач. Близка к образовательной **воспитательная** функция, посредством которой осуществляется социализация отдельных личностей, подрастающих поколений. Историческая наука востребована обществом и властью в качестве одного из эффективных инструментов для разъяснения социальных и политических проблем, для поиска способов их разрешения. История является действенным средством воспитания патриотических чувств, гражданственности.

Не менее важна **коммуникативная** функция**.** Историки не просто накапливают некий объём информации, но и перерабатывают её для актуального использования в настоящем и будущем, тем самым, объединяя общество. Не менее значима функция **сохранение исторической памяти.** Историческая наука транслирует знания о прошлом новым поколениям человечества, формирует представления о связи времён, о различных аспектах социальной практики. Наряду с языком, обычаями, традициями, культурой и религией история служит одним из главных средств репрезентации собственной идентификации для народов и отдельных людей, способствует интеграции общества, создаёт представление об общей исторической судьбе. С этим связана фиксация в памяти людей важнейших событий в жизни общества, выработка идеологии государств, политических воззрений и доктрин, программ общественных движений. Историческая наука формирует **историческое сознание**, т.е. совокупность представлений о своём личностном прошлом и прошлом всего человечества.

В современном обществе усиливается значение **прогностической** функции исторической науки, поскольку она анализирует прошлое человечества во всей конкретности и многообразии ради лучшего понимания настоящего состояния общества и определения перспектив будущего развития. Некоторые учёные говорят также об **эстетической функции** исторической науки, которую они трактуют как основу и мотив для теоретического и эстетического освоения мира.

Критерии и признаки развития исторической науки

Отметим, что на каких бы мировоззренческих позициях не находились историки, все они используют в своих исследованиях такие научные категории как ***«развитие», «движение», «процесс».*** Широко применяемые в историографии эти понятия, как синонимы, наиболее адекватно отражают изменения, происходящие не только в истории, но и в историческом знании. В объем данных понятий входят различные по интенсивности и глубине процессы, связанные с получением, фиксацией, передачей и использованием опыта изучения истории. При этом, отдельные события могут восприниматься, как рубежи кардинальных изменений в историографии.

Исходя из обозначенной постановки проблемы, важно понять, какие показатели наиболее адекватно отражают процесс развития исторического знания. Нередко ответ на этот вопрос сводится к количественным характеристикам: число историков, публикаций, специальных периодических изданий, защищенных кандидатских и докторских диссертаций. При этом не учитывается, что это только видимая часть айсберга: гораздо важнее определить качественные «подвижки» в развитии исторического знания.

Процесс развития исторической науки представляет достаточно сложное и противоречивое явление. Представление о процессе развития исторического знания включает целый ряд компонентов. ***Во-первых,*** выяснение общественных условий развития исторической науки на разных этапах: особенно правительственной политики в области науки и образования, ибо, от неё во многом зависит сложившаяся ситуация. Конкретная историческая среда, духовная, социально-экономическая, политическая жизнь общества в значительной степени, определяют развитие исторического знания (условия использования историками архивных материалов, возможности публикации результатов исследований и т.п.)

Во-вторых, уровень изучение процесса накопления знания о человеческом обществе. Каждое новое поколение историков располагает материалами, накопившимися в ходе предшествующего развития исторической науки. Речь идет не только о фактах, но и определенных идеях и теориях, их связи с философскими и политическими взглядами, характерными для данной эпохи. В этой плоскости происходит пересечение предмета двух дисциплин — историографии и методологии истории. Важной задачей исторической науки является анализ теоретико-методологических принципов исторического

познания, выяснение того, как развивались теории с позиций которых изучался исторический процесс.

В-третьих, о характере и направленности развития исторической науки свидетельствует проблематика исторических исследований**,** выяснение факторов и направлений этого процесса. Весьма важно уяснить, какие проблемы прошлого и, главное, почему, становились предметом исследования. Бесспорно, в немалой степени изучение тех или иных явлений прошлого диктуется наличием источников, но нельзя исключить и влияние на выбор проблематики сложившейся общественно-политической ситуации. Если в древности и средние века господствовала военная и церковно-государственная тематика, то в новое и новейшее время главной стала социально-экономическая проблематика, а действие исторических героев, которым посвящалось историческое повествование, сменилось описанием действий народных масс. Важно учитывать, что в целом для исторической науки характерно расширение проблематики. В наши дни это происходит еще и за счет появления новых для исторического знания направлений на «стыке» различных наук — историческая социология, историческая антропология, историческая психология, историческая география, историческая демография и т.п.

В-четвертых, важнейшим показателем развития исторического знания является уровень освоения источников: направленность и интенсивность процесса накопления фактических знаний о человеческом обществе, характер введенных в научный оборот, раннее неизвестных источников, расширение круга исторических памятников, доступных исследователям. Более того, совершенствование приемов, конкретных методов и методик их исследования.

В-пятых, процесс утверждения исторических концепций и их теоретико-методологических принципов, выяснение закономерностей их смены. Под исторической концепцией понимается система взглядов одного историка или группы учёных (научные школы), как на весь ход исторического развития в целом, так на его различные проблемы и стороны. Историография изучает, как создавались концепции, какую роль они играли в развитии науки.

В-шестых, предметом изучения являются «организационные условия», в которых происходит развитие исторического знания. Речь, прежде всего, идет о существовавших в тот или иной период научных учреждениях, эволюции их структуры, историческом образовании, исторической периодике, исторических библиотеках, исторических архивах. При этом из вида нельзя упускать вопросы, связанные с подготовкой кадров исторической науки, их квалификации, распределения по отраслям и направлениям исторического знания.

В-седьмых, немаловажным показателем развития является характер международных связей исторической науки, их результативность, стремление ученых к развитию новых идей, взаимообогащению исторической мысли.

При обращении к данной теме возникает масса непростых вопросов, главный из которых — какие изменения в структуре историографии являются определяющими?

Итак, развитие исторической науки это:

► новая проблематика и типология исторических сочинений;

► «прибавление» в корпусе исторических источников;

► новые исследовательские приемы, методы и методики аналитической работы,

► появление новых исторических концепций, исследовательских школ и направлений;

► позитивные изменения в такой «материальной» области историографии, как система подготовки кадров, наличие научных центров и школ специальных периодических изданий, архивов и библиотек.

При всей важности основной линии заметно отличаются процессы развития исторического знания в границах разных периодов и национальных историографий: они имеют не только разную интенсивность, выраженную диахронию, но и различную историографическую практику. Магистральная линия поэтапных изменений: зарождение, оформление в самостоятельное научное направление, заметно осложняются за счет «разрывов», прерываний линии развития, «уходов в тень», утраты и восстановления исследовательских традиций, кризисных проявлений в исторической науке.

Объект, предмет и субъект исторического познания

Данными категориями занимается **гносеология** (греч. gnosis — знание, logos — учение) — философская дисциплина, занимающаяся исследованиями, критикой и теориями познания. Основная гносеологическая схема познания включает субъекта, наделенного сознанием и волей, и противостоящий ему объект, независимый от сознания и воли субъекта и связанный с ним только познавательными отношениями. Основной круг гносеологической проблематики очерчивается посредством таких проблем как интерпретация субъекта, объекта и предмета познания, структура познавательного процесса, проблема форм и методов познания, проблема истины и ее критерии и др.

Каждая самостоятельная наука имеет свой объект исследования. **Объект** истории — это прошлое человечества, то, на что направлена познавательная деятельность исследователя. Под **объектом познания** имеются виду реальные фрагменты бытия, подвергающиеся исследованию. Так, объектом познания исторической науки является всё многообразие явлений общественной жизни человечества на всём протяжении его бытия. В сферу изучения истории включены экономическая, социальная, политическая, духовная жизнь общества.

Предмет исследования истории — это то, что субъект считает главным, ведущим в прошлом, путеводная нить, детерминанта, то есть конкретный аспект, на который направлена исследовательская мысль. Предмет исследования определяет границы изучения объекта в конкретном исследовании. Но какой бы предмет ни изучали историки, все они используют в своих исследованиях

научные категории: историческое движение (историческое время, историческое пространство), исторический факт и т.д.

Задача историка, как и любого другого ученого, — поиск истины**.** Процесс постижения истины необычайно сложен: по сути, история есть не что иное, как форма познания изменчивого, временного, преходящего. В силу сложности проблемы, недостатка фактов и т.п. историк, желая прийти к истине, сам того не замечая, может впасть в заблуждение. Помимо чисто познавательных трудностей, ученого подстерегают и другие опасности находящиеся за пределами науки.

Субъектом истории является человек — существо, наделенное разумом и освоившее арсенал познавательных средств накопленных человечеством. Субъект представляет собой сложную иерархию: подлинным субъектом познания в каждую эпоху является человечество, а отдельный человек выступает в роли субъекта познания как его представитель. В конечном счете, высший производитель знания и мудрости — все человечество. В его историческом развитии выделяются менее крупные общности, в качестве которых выступают отдельные народы. Каждый народ, производя нормы, идеи и ценности, фиксируемые в его культуре, выступает как особый субъект познавательной деятельности. В то же время, субъект познания это конкретная личность со страстями, интересами, чертами характера, темперамента, ума или глупости, таланта или бездарности, сильной воли или безволия.

В обществе исторически выделяются группы индивидов, специальным назначением и занятием которых является производство знаний, имеющих особую жизненную ценность. Таковы, в частности, научные знания, субъектом которых выступает сообщество ученых. В нем выделяются отдельные личности, способности, талант и гений которых обуславливают их высокие познавательные достижения. Человек, являясь творцом, субъектом истории, сам создает необходимые условия и предпосылки своего исторического существования, т.е. будучи объектом познания, он, оказывается вместе с тем субъектом. При этом сам человек — объект изучения разных наук: биологии, медицины, психологии, социологии, философии.

К особенностям истории как науки можно отнести следующее:

► поскольку объект исторического познания, принадлежа к прошлому, не существует в настоящем в виде реального бытия, то историк изучает его опосредованно, посредством исторических источников — вещественных, письменных, устных, визуальных;

► познающий историю субъект неизбежно включён в познаваемую им общественную среду, являющуюся прямым порождением исторического прошлого;

►исследователям приходится принимать во внимание качественную незавершённость процесса развития истории.

За последние сто лет серьезные изменения претерпели объект, предмет и субъект познания, существенно вырос интеллектуальный потенциал человечества, а значит, и его познавательные возможности. Развитие познания определяется в целом потребностями общества, общим уровнем интеллектуального потенциала общества. При этом реализация этих потребностей создает базу для дальнейшего наращивания знаний о мире, а значит, и для продвижения познания. В основе движения познания лежат противоречия между достигнутым уровнем знаний и уровнем общественных потребностей.

Принципы структурирования исторической науки

Колоссальный объём фактического материала, всеобъемлющий характер изучения истории как единого процесса с охватом всех эпох и аспектов прошлого человечества предопределяют дифференциацию исторической науки на отдельные части и элементы. Сегодня историческая наука — целый комплекс взаимосвязанных между собой наук. Классическим примером является «древо наук» **Рене́ Дека́рта** (1596-1650). Стволом этого дерева является философия, а ветвями и веточками — различные другие науки. Философия изучает устойчивую основу мира и потому даёт возможность представить знание как целое и связное. Он отмечал: «Всё доступное человеческому познанию одинаково вытекает одно из другого» *(Декарт Р. Рассуждение о методе // Декарт Р. Избранные произведения. М., 1950. С. 272*).

По пространственно-географическому признаку историю принято разделять на **всеобщую, всемирную**, включающую историю всех стран и народов от появления первого Homo sapiens до настоящего времени и на **отечественную**, т.е. историю конкретных стран и народов (история России, история Франции и т.п.), связанных общими чертами культурно-исторического развития. Возможно и выделение истории народов конкретных **регионов** (история стран Восточной Европы, история народов Кавказа и т.п.). Сложность изучения региональной истории заключается в том, что понятие «исторический регион» достаточно условно и зачастую не совпадает по своим территориальным рамкам с устойчивым понятием «географический регион». Важно учитывать наличие этнической истории отдельных народов (история славян, история адыгов и т.п.).

По хронологическому принципу история сосредоточена на рассмотрении отдельных периодов истории человеческого общества (история первобытного общества, антиковедение, медиевистика, новистика и т.п.)

По мере развития исторического знания многие разделы исторической науки выделились в **научные специальности или учебные дисциплины,** имеющие специфические задачи и особенности. Усложнение решаемых задач, многообразие аспектов и используемых познавательных средств, привело к

внутренней ***специализации исторического знания***. Из состава исторической науки выделился ряд исторических дисциплин.

Источниковедение — отрасль исторической науки, разрабатывающая теоретические положения о сущности, закономерностях происхождения и эволюции исторических источников, а также приёмы их выявления, изучения и использования в исследовательской работе.

Вспомогательные исторические дисциплины — (археография, геральдика, палеография, сфрагистика, нумизматика и т.д.), изучающие определённые виды или отдельные стороны формы и содержания исторических источников.

Неотъемлемыми частями исторической науки, но занимающими в ней самостоятельное место, являются **археология и этнология (этнография).** Их особый статус обусловлен собственной предметной областью и специфическими методами и методиками исследования. **Археология** — изучает историческое прошлое человечества по вещественным (материальным) памятникам. На завершающем этапе своей работы археолог, при интерпретации результатов раскопок, выступает как историк, используя для итоговых выводов данные не только вещественных, но и других типов источников, прежде всего письменных. **Этнография** — объектом изучения имеет отдельные народы (этносы), а также другие типы этнических (этнографических) общностей. Предметом этнологических исследований являются происхождение (этногенез) и расселение, культурно-исторические взаимоотношения; характерные черты традиционной повседневной (бытовой) культуры народов. Вместе с языком, образуют специфический этнический облик того или иного народа.

Археология и этнография помогают восстановить историю таких эпох или явлений, которые не нашли отражения в письменных источниках. В первую очередь это касается древнейших этапов истории человечества, когда письменность ещё не существовала, или народов, у которых письменности не было и в более позднее время. Большой интерес представляет применяемый этими науками метод реконструкции исторического прошлого посредством использования различных древних орудий труда или предметов; воссоздание обрядовых, ритуальных и иных действий.

История исторической науки. Историография как раздел исторической науки занимается изучением её собственной истории: накопление исторических знаний, истолкование исторических явлений, смена научных концепций и т.п. ***Именно подобные вопросы отражены в данном учебно-методическом пособии.***

Важнейшим, составными компонентами исторической науки являются **теория и методология истории**. Теория истории представляет собой область общих представлений об истории в целом или об отдельных исторических явлениях и процессах. В теории рассматриваются общие проблемы изучения истории как реальности (онтология) и истории как познания (гносеология). Методология истории — раздел исторической науки о методах познания. Она является теоретическим выражением практики конкретно-исторических

исследований в виде методов, принципов, научных исторических понятий. Методология истории находится в тесной связи с развитием исследовательских методик, которые, хотя и служат конкретным инструментарием специалиста, оказывают определённое воздействие на формирование методологической базы истории как науки. Обобщая практику исследовательской работы историка, теория и методология истории даёт возможность осмысленно относиться к познанию, вырабатывать и сознательно применять приёмы, процедуры, способы, теоретические принципы анализа общих и частных конкретно-исторических проблем, определяют понимание характера, факторов и направленности исторического процесса.

Историческая наука неразрывно связана с **библиографией**. Приступая к научному исследованию, историк, впрочем, как и любой другой специалист, должен сформировать библиографическое представление об избранной проблеме, четко представить, что удалось сделать в данной области его предшественниками. Без библиографического знакомства с темой можно бесцельно потратить годы труда на «открытие» давно известных истин.

С начала XX в. усиливаются процессы, **интеграции научного знания:** учёные стали замечать, что интересные результаты часто достигаются «на стыке» наук. В процессе интеграции возникли новые дисциплинарные деления и границы: **историческая социология, историческая демография, историческая психология, историческая антропология и т.п.** При этом, традиционные дисциплины продолжают существовать: их интеллектуальное поле даже расширяется, «захватывая» близлежащие предметные области. В целом, исторические дисциплины, несмотря на кажущуюся независимость друг от друга, органически связаны между собой и образуют **единую систему исторической науки.** Опираясь на общие принципы, только в своей совокупности они способны дать действительно научное представление о прошлом в целом и решить в диалектическом единстве главную задачу – познать минувшие страницы истории человеческого общества с целью лучшего понимания его настоящего и перспектив дальнейшего развития.

Проблема междисциплинарности

В наши дни данная проблема приобрела особую актуальность, о чём свидетельствуют многочисленные публикации монографий, тематических сборников, отдельных статей и учебных пособий. Идея нашла отражение и в новейших энциклопедических изданиях. При этом рассматриваются, прежде всего, два типа междисциплинарного взаимодействия: во-первых, взаимодействие между системами дисциплинарного знания в процессе функционирования наук, их интеграции и дифференциации; во-вторых, взаимодействие исследователей в совместном изучении различных аспектов одного и того же объекта. При этом междисциплинарные исследования рассматриваются прежде всего как проблема исследовательской практики.

Совершенно очевидно, что дисциплинарное разграничение научных специализаций затрудняют междисциплинарное обогащение накопленных знаний. Ответ на вопрос: «Как возможно новое знание в истории?» — звучит так: «новое знание возможно на стыке дисциплин». Историки на всем протяжении развития историография заимствовала исследовательские приемы, термины и концепции из других наук. Наиболее тесными были связи истории с фольклористикой, филологией, географией. Однако только с середины XX в. проблема междисциплинарности приобрела теоретико-методологический характер. Наиболее значимым стал вопрос обнаружения точек соприкосновения между различными научными направлениями. Возникла масса вопросов: как складывались взаимоотношения истории и других наук (гуманитарных, социальных, естественных)? Что именно заимствуют историки из работ психологов, социологов, антропологов, философов? Каков статус междисциплинарных направлений: исторической социологии, исторической антропологии, исторической психологии и т.п.?

В любом историческом исследовании историк предстает в нескольких ролях. Если, к примеру, изучаются процессы социально-экономические, то он и историк и экономист. Если же освещается какой-либо исторический период в целом, то историк должен быть универсальным специалистом, способным осмыслить самые различные вопросы общественной жизни. Все это хорошо известно, но не всегда из этого делаются необходимые практические выводы, а они состоят в том, что историк должен профессионально владеть теорией, методологией и методами научного познания не только исторической науки, но и тех наук, которые специально изучают исследуемые им явления и процессы.

При этом главная задача состоит в том, чтобы преодолеть в процессе исследований противоречие между существующей реальностью и наукой, учитывая, что для каждой из научных дисциплин возможны допущения, гипотезы, расширительные интерпретации. Эта задача, пусть и не всегда в явной форме, стоит перед авторами междисциплинарных исследований любого масштаба. В процессе интеграции возникают новые дисциплинарные деления и границы, накапливается такой запас научных знаний, на основе которых рождаются принципиально новые модели познания. Однако старые дисциплины продолжают существовать, их интеллектуальное поле даже расширяется, «захватывая» близлежащие предметные области. В российской исторической науке есть немало примеров блестяще выполненных историками исследований, имеющих междисциплинарный характер, органически сочетающих подходы, принципы и методы разных гуманитарных наук. К их числу, в частности, относятся исследования **Николая Михайловича. Дружинина** по аграрной истории России XVIII—XIX вв.

Принципиально значимый шаг в этом направлении был сделан, известным французским историком **Ферна́ном Броде́лем** (1902–1985), предложившем модель «союза» между историей и смежными дисциплинами. Эталонным стало его фундаментальное исследование «Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.», наметившее путь к новому типу современных историописаний. Используя понятие «история мира» он подчеркивал, что это

множество различных потоков, но «к счастью, историки уже имеют опыт того, как противостоять избыточности». Они упрощают ее, расчленяя на секторы (история политическая, экономическая, социальная, культурная).

В его работе впечатляет, прежде всего, пространственно-временное измерение исследуемого: экономическая жизнь человечества, в течение четырех столетий становления капиталистических отношений: фактически необозримый круг проблем от «хлеба насущного» до миры-экономики. Даже называние разделов его работы буквально «штурмуют» сознание, ломая привычные стереотипы: «цифры, которые приходится выдумывать», «многочисленные против слабых числом», «не всегда цивилизации говорили «нет» и это только примеры! Им ставилась задача — предложить приемлемую схему истории мира на базе данных «весьма неполных, но все же слишком многочисленных для того, чтобы попытаться охватить их целиком». Особое внимание Ф. Бродель обращает на трудности подобного подхода — умение «пересекать зыбучие пески», но без их преодоления «историю не принимали бы всерьез» (*Бродель Ф. Указ. соч. Т. 3. С. XVIII.).*

Конечно это лишь самые общие контуры поставленных и во многом решенных Ф. Броделем проблем. Отдельные положения его концепции вызывали, и неизбежно будут вызывать полемику, но важно другое — понимание того, что его работы стали точкой отсчета, а хотелось бы верить, и «не возврата» для современных историков.

Однако нельзя не учитывать. повышение сложности современного социального мира, слияние и интеграция ранее дифференцированных областей социальной жизни. Выделение новых сфер в отдельные объекты изучения наталкиваются на существующее разделение труда в социальных науках, которое зачастую не позволяет увидеть новые процессы и явления просто потому, что последние не укладываются в рамки привычных концепций. Очевидно, что дисциплинарное разграничение научных специализаций затрудняют междисциплинарное обогащение накопленных знаний. Этот процесс угрожает и внутри дисциплинарному развитию каждой отрасли науки.

Успешное осуществление междисциплинарных исследований предполагает одновременное решение трех видов проблем: **методологической** (формирование предмета исследований, в котором

объект был бы отражен таким образом, чтобы его можно было изучать средствами всех участвующих дисциплин, а полученные в ходе исследований результаты могли уточнять и совершенствовать исходные положения); **организационной** (создание сети коммуникаций и взаимодействия исследователей, с тем чтобы они могли профессионально участвовать в получении и обсуждении, а также привлекать к нему своих коллег из соответствующих дисциплин); **информационной** (обеспечение передачи прикладных результатов междисциплинарного исследования в практику принятия решений и их технологического воплощения и одновременно передачу собственно научных результатов, полученных участниками, для экспертизы в системы дисциплинарного знания).

Сегодня дисциплинарная расчленённость науки непрерывно возрастает, что связано с практической необходимостью и расширяющейся возможностью изучения всё новых предметных областей. Все в большей степени стираются традиционные границы между отраслями научного знания. Собственно, это и является **междисциплинарностью**, хотя некоторые исследователи продолжают жить в иллюзии, что за указанными терминами стоят лишь попытки физического соединения разных отраслей.

Историческая память

Проблемы исторической памяти, заняв одно из центральных мест в мировом гуманитарном знании, вышли за пределы собственно истории, философии, социологии, психологии, приобретя выраженный комплексный характер. Обращение к этой теме способно расширить сложившиеся представления о прошлом, более того, аккумулировать знания о социальной реальности и возможностях общества сознательно управлять сохранением и развитием исторической памяти. При таком подходе центральным становится вопрос: как мы связаны с реально существовавшим прошлым и с памятью о нем, закрепленной в исторических репрезентациях?

Совершенно исключительную роль в развитии представлений об исторической памяти сыграл известный французский социолог, **Морис Хальбвакс** (1877–1945). Его работа «Социальные рамки памяти» и сегодня широко востребована гуманитарным знанием. По образному выражению М. Хальбвакса, размышляя о прошлом, историк мысленно перебирает разные периоды времени, «словно пустые рамки». Благодаря тому, что эти «рамки» заполняются событиями и образами, происходит «постепенное свыкание» с непривычным и пугающим чуждостью историческим прошлым, преодолевается разрыв между «живой» памятью и историей *(Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М., 2007. С. 157*).

М. Хальбвакс утверждал, что человеческая память не может функционировать вне общества, причем это касается не только социальных групп, но и каждого отдельного индивида. Так или иначе, движение социальной жизни неизбежно влечет за собой изменение рамочных конструкций, определяющих память о прошлом, «припоминание» или «забвение» тех или иных исторических событий. Именно извне, из общественного сознания эпохи, человек заимствует исторические «знаки памяти», вокруг которых группируются его собственные воспоминания. Более того, социальная среда обуславливает категориальный аппарат, понятия и языковые средства, позволяющие воспоминанию приобрести определенность, оформиться в проблему.

Первой задачей историка М. Хальбвакс считал сохранение исторической памяти, исправление ее «отклонений» от прошлого, сравнение ее сомнительных утверждений с заключениями, основанными на документальных исторических свидетельствах. Он отмечал, что в эпохи социальных потрясений и переворотов коллективное сознание особенно часто и активно обращается к памяти о прошлом, стремясь укрепить новые социальные институты при помощи «всего того, что можно взять из традиций».

Особое значение для познания проблем исторической памяти имела работа английского историка **Френсис Йейтс** (1889–1981) «Искусство памяти». Обращаясь к классической традиции искусства памяти (**мнемотехнике**), она стремилась ответить на вопросы: что есть память человека, какое место искусство памяти занимало в античном, в средневековом мире, в эпоху Возрождения?

Значительное влияние на развитие представлений об истории как искусстве памяти оказало исследование известного английского историка **Патрика Хаттона** «История как искусство памяти». Проблема памяти рассматривалась автором в ряду таких историографических вопросов как использование мнемонических схем в исторической интерпретации; значение традиции как основы влечения историка к прошлому; историческое воздействие изменяющихся технологий коммуникаций (устной традиции, письменности, печатной культуры, электронных средств массовой информации) на представления о памяти; взаимосвязь коллективной памяти и общественной власти. «Время темы памяти, — отмечал П. Хаттон, — пришло, когда ученые стали понимать связь с историей коллективной ментальности» *(Хаттон П История как искусство памяти. СПб., 2003. С .8).* Неслучайно заключительную главу своей книги он назвал «История на перекрестках памяти».

Характеризуя основные подходы к пониманию исторической памяти нельзя обойти вниманием работу выдающегося французского философа **Поля Рикёра** (1913–2005) «Память, история, забвение». В этом обширном, многоплановом труде автор проанализировал проблемы истории в связи со свойственными человеку явлениями памяти и забвения Он отмечал, что, находя опору в рассказе о предках, связь поколений прививается к огромному генеалогическому древу, корни которого уходят далеко в глубины истории. Через память о предках передается «смутный шум — как бы волнение истории» *(Рикёр П. Память, история, забвение. М., 2004. С. 548*).

Особое внимание П. Рикёр уделял вопросу существующего разрыва между памятью и историей: память — это всегда явление, относящееся к настоящему, это живая связь с вечным настоящим, а история есть репрезентация прошлого, разрыв с завершенным, окончательно ушедшим прошлым, взамен которого появляются «истории истории», «историографическое сознание». Реконструируя историческое прошлое, историк как мгновению счастья радуется возвращению частицы прошлого с трудом и сомнениями вырванного у забвения.

Символично, что в одном ряду в названии работы П. Рикёра фигурирует «память», «история» и «забвение». В современной историографической ситуации особый смысл приобретает проблема забвения, ранее привлекавшая, по сравнению с памятью, гораздо меньше внимания. Прошлое, по мнению П. Рикёра, в его двояком значении, мнемоническом и историческом, оказывается утраченным вследствие забвения. Забвение, в самом общем виде, предстает «как ущерб, нанесенный надежности памяти». В этом смысле память воспринимается как борьба против забвения. При чем не только сохранение памяти, но столь же продуктивной может быть «политика забвения», когда сознательно или по воле случая уничтожаются конкретные пласты памяти. Это трагическое явление проходит мрачной тенью, через всю историю цивилизаций. Разрушение архива, музея, города, или других свидетелей прошедшей истории означает забвение. Но забвение — не только враг памяти и истории: один из наиболее важных выводов П. Рикёра состоит в том, что существует также забвение-резерв, являющееся ресурсом для памяти и истории. Так или иначе, историки не только используют «резервы» исторической памяти, но и участвуют в ее формировании, определяя объем «памяти» и «забвения». Многие столетия именно историки решали на свой страх и риск, какие события прошлого являются историческими и могут быть занесены в «анналы истории». В этом смысле историки, выполняя своеобразную социальную миссию, являются ответственными за «отбор» и «толкование» свидетельств, достойных быть увековеченными в массовом сознании.

В условиях усиливающихся глобализационных процессов, возникновения нового информационного общества, происходит переоценка традиционных форм передачи и сохранения памяти. Не случайно Ф. Бродель в последние годы своей жизни, работая над трудом, посвященном национальной идентичности, задавал себе и своим читателям непростой вопрос — «что такое Франция». «Франция — это память», — так прореагировал на этот вопрос **Пьер Нора,** инициатор одного из самых успешных исторических проектов XX в. семитомного издания «Места памяти» *(Нора П. Франция-память. СПб., 1999)*.

С этого времени понятие «**места памяти**» прочно вошло в историческую науку. Такими местами могут быть люди, события, предметы, здания, книги, песни и другие «окруженные символической аурой» «знаковые» места, призванные «удерживать» в памяти представления общества о себе и своей истории. Думаю, что сложившиеся в современной историографии представления о «местах памяти» позволяют ввести в эту дефиницию выдающихся историков, имена и труды которых закрепились в исторической

памяти народов, став символами исторического времени. Историки не только оставили будущим поколениям удивительные по полноте и образности картины прошлого, но и были «людьми в истории». По мере развития истории менялись образы людей пишущих историю, но, как правило, историки — люди своего времени. Они принимали активное участие в политической жизни, знали взлеты и падение, восторженное признание и длительное изгнание за пределы родины. Эти люди открывали мир прошлого и настоящего не ради собственных амбиций, а стремились передать знания всем заинтересованным в этом, «чтобы прошедшие события с течением времени не пришли в забвение...» *(Историки античности. В 2 т. Т. 1. Древняя Греция. М., 1989. С. 33.).*

На состояние исторической памяти нередко оказывают влияние факторы, лежащие за пределами исторической науки, такие как социальный заказ, ангажированность или коммерческие интересы. Есть и еще одна сторона проблемы: фактически до последних десятилетий считалось, что в основе массовых представлений лежат научные знания о прошлом. Однако, изучение этой проблемы на материалах стран Европы и США показало, что массовые представления о прошлом принципиально отличаются от профессиональных (*Савельева И.М., Полетаев А.В. Социальные представления о прошлом, или знают ли американцы историю. М., 2008. С. 70).* Историки обратили внимание на то обстоятельство, что в структурах повседневности потребность в историческом знании зачастую реализуется не через академическую науку, а через более близкие массовому сознанию формы культуры: обращение к семейным генеалогиям, семейным архивам, коллекционированию бытовых вещей и т.п. Тем не менее, большая часть семейных историй навсегда утрачивается за пределами трех последних поколений генеалогического древа.

В истории, как и любой другой науке, существуют «великие проблемы». К ним может быть отнесена и проблема исторической памяти. Сложность ее понимания связана с тем, что почти каждый век предлагал *свои* ответы на вопросы, связанные с феноменом памяти. Однако, все явственней осознается необходимость научной трактовки противоречивой, специфической сущности исторической памяти, повышения уровня интерпретации имеющихся свидетельств, характеризующих ее состояние. Все более осознается, что успех расширения пространства исторической памяти зависит от многих обстоятельств: достигнутого уровня научности исторического знания, интеллектуального состояния общества, способного критически его осваивать, развитой системы сохранения и распространения исторической информации, морально-нравственного климата в сообществе историков.

ПЕРИОДИЗАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

Сложную конфигурацию отражает развитие исторического знания во времени. Магистральная линия поэтапных изменений: зарождение, оформление в самостоятельное научное направление, усложнение, заметно осложняются за счет «разрывов», прерываний линии развития, «уходов в тень», утраты и

восстановления исследовательских традиций, кризисных проявлений. Более того, отдельные события могут восприниматься, как рубежи кардинальных изменений в историографии. Тем не менее, в развитии исторической науки можно выделить ***периоды*** — продолжительные отрезки времени, в течение которых зарождались и развивались новые явления, кардинально изменявшие историографическую ситуацию, обеспечивавшие переход к качественно новому состоянию историографии. Учитывая продолжительность и внутреннюю динамику развития исторического знания, в границах периодов принято выделять особые *этапы*, как фиксированных стадий на пути движения.

Периодизация истории исторической науки, как и всякая периодизация, условна. Это вытекает не только из особенностей объекта исследования, но и из изменений социальной среды и особенностей мышления. В современных теоретико-методологических исследованиях предлагаются самые разные подходы к периодизации истории и историографии. Исходя из этих предварительных замечаний ***процесс развития исторического знания можно «вписать» в основные периоды развития мировой истории.*** Хронологически развитие всемирной истории обычно представляют по следующей схеме: от первобытного общества через восточные деспотии Древнего мира, античные Грецию и Рим к Средневековью, Новому и Новейшему времени. Нередко вычленяют ещё период современной истории, условно обозначающий совокупность явлений и процессов, свидетелями которых являются живущие в настоящее время люди (в среднем — три поколения).

Древний Восток (IV–I тыс. до н.э.)

Древний Восток — данное понятие в исторической науке используется не столько как географическое, сколько как цивилизационное. К древневосточным относят цивилизации, сложившиеся в Северной Африке и Азии.

В исторической науке существуют различные точки зрения относительно проблемы, где и когда проявились истоки исторической науки, сформировался «исторический интерес». Немало исследователей считают, что все наши исторические писания основываются на началах заложенных греками, являются детищем античной цивилизации. Но даже сторонники такой точки зрения не могут не признавать, что задолго до греков на Востоке началось фиксирование знаменательные события прошлого.

Древневосточные цивилизации относительно недавно вошли в мировую историческую науку. В первой половине XIX в. после успешных опытов выдающегося французского египтолога **Жана-Франсуа́ Шампольо́на** (1790–1832) по расшифровке иероглифической письменности резко возрос интерес к восточным древностям. Перед специалистами встала задача прочтения большого количества обнаруженных древних текстов, их публикации, интерпретации, историографического осмысления. Число исследований неуклонно возрастет: велись и ведутся споры о наличии на Древнем Востоке исторической мысли, о сущности и особенностях восприятия истории.

Когда речь идет об историографии Древнего Востока, в этом есть определенная условность. «Исторические труды», даже по внешнему виду, выглядят весьма своеобразно. В качестве писчего материала использовались глиняные черепки, плоские куски камня, дерево, кожа, металл, папирус. Тем не менее, древневосточные тексты весьма многообразны и многофункциональны. Они нередко служат средствам передачи не только собственной информации, но и дают достаточно полное представление о бытующих взглядах на прошлое, объеме накопленной исторической информации.

В IV–III тыс. до н.э. в таких регионах Древнего Востока как Египет и Месопотамия возникли мощные центры высокоразвитой культуры. Естественно, что именно здесь появились первые письменные источники: религиозные и научные тексты. Среди подобных записей особое место занимают царские манифесты на декоративных палетках (пластинах). В них фиксировались значимые вехи в истории государства, важнейшие события царствования. Тексты религиозного содержания часто размещались на стенах внутренних помещений пирамид — «Тексты пирамид». Как правило, в них рассказывалось о странствиях по подземному миру бога Ра. На смену «Текстов пирамид» пришли «Книги мертвых», так условно назвались тексты на папирусе или коже, помещавшиеся в саркофаги. Они были иллюстрированы сценами суда Осириса и потустороннего мира. Это типичная заупокойная литература, но в ней отраженны бытовые, более того, нравственные воззрения. Особенно интересна так называемая отрицательная исповедь, в которой умерший перечисляет разные грехи, повторяя, что он их не совершал.

К наиболее известным и ярким памятникам относятся «Анналы Тутмоса III» записанные на стенах храма Амона-Ра в Карнаке (Фивы). Придворный писец не только перечислял важнейшие события царствования Тутмоса III, его военные походы и завоевания, но и развивал оригинальную идею, рассматривая Египет как центр мира, страну, находящуюся под могущественным покровительством богов.

Особое место в историографии древнего мира занимает «Египетская история» жреца **Манефона** (IV–III вв. до н. э.), дошедшая до нас только в фрагментах. Манифон был хорошо знаком с греческой историографией, более того, усвоил её принципы и стилистику. Его труд написан на греческом языке, но по своей сути основывался на египетской исторической традиции. В нем содержится не простой перечень событий, а дано связное изложение внутренней и внешней политики отдельных фараонов. Документы, которыми располагал автор, настолько достоверны, что труд Манефона стал ценнейшим историческим источником по древней истории Египта.

Одним из ярких очагов древневосточной культуры стало междуречье Евфрата и Тигра — Месопотамия. В формирование месопотамской цивилизации важнейший вклад внесли Шумеры и Аккад. Почти все письменные источники III тыс. до н.э. написаны на шумерском или аккадском языках клинописью. Общее количество письменных памятников, содержащих информацию о месопотамской цивилизации, исчисляется многими тысячами и постоянно продолжает расти.

Дешифровка клинообразных надписей началась еще в 1802 г. немецким филологом **Георгом Фридрихом Гро́тефендом (**1775–1853) Несмотря на усилия многих исследователей, опубликована лишь сравнительно небольшая часть этих текстов. Вся эта огромная масса клинописных текстов резко отличается друг от друга по тематике, по широте охвата отображенной в них действительности. К числу наиболее информативных письменных источников относятся так называемые царские надписи, т.е. тексты, составлявшиеся по различным поводам от имени царей или правителей городов-государств. Они содержат самую различную информацию: отчеты о проведенных реформах (смягчении налогового бремени, отмене некоторых повинностей, ограничении самоуправства чиновников), сведения о связях с далекими странами, о привлечении населения к строительным работам, о военных походах с прославлением воинской доблести царей. К «царским спискам» примыкают хроники. Среди них наиболее известны «Династическая хроника» и «Хроника ранних царей». Особое место занимает «Синхронистическая история», представляющая краткий рассказ об отношениях между Ассирией и Вавилонией (XVI–VIII в. до н.э.). В нее вошли сведения об отношениях военного и мирного характера, договорах об установлении границ.

Конечно, говорить с полным основанием о развитии исторического знания в этот период преждевременно — речь идет о лишь о ростках интереса к истории, первых попытках создания письменной истории В метафорическом смысле — это «каменный век историографии. Тем не менее, лучшие образцы письменных свидетельств этого периода с полным основанием могут быть отнесены к историографическим источникам, отражающим начальный, «зародышевый» период исторического знания. При этом нельзя не учитывать, что представление о прошлом, память о предках и важнейших событиях была свойственна человечеству уже в родовом обществе, что нашло выражение в мифах и сказаниях о подвигах богов и обожествленных героев. Передаваемые изустно из поколения в поколения они сохранили и донесли до нас важнейшие свидетельства о жизни и деятельности людей.

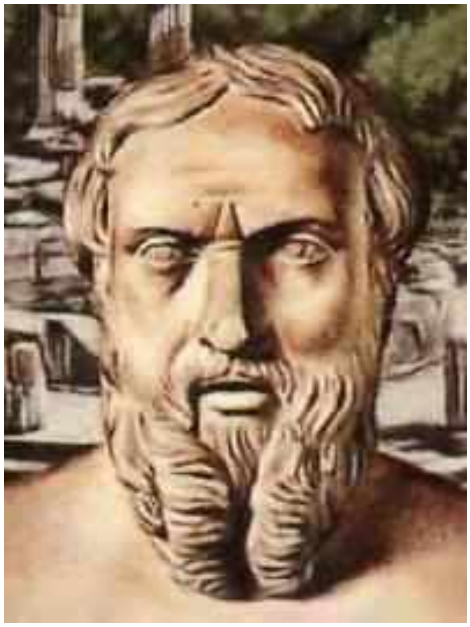
Античность (VII в. до н.э.–V в. н.э.).

Античность— термин означающий цивилизацию Древней Греции и Древнего Рима во всём многообразии её исторических форм.

Немало современных исследователей считают, что все существующие исторические писания основываются на началах, заложенных греками, являются детищем античной цивилизации. *(Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М.,1980. С.16–18).* Объясняя причины «рождения Клио» именно в Греции историки отмечают в качестве одной из первопричин динамизм греческого общества: на каждом из этапов развития зарождались и развивались новые явления, кардинально изменявшие ситуацию. В этой насыщенной внутренним напряжением среде неизбежно должен был возникнуть извечный вопрос: *«**Кто мы, откуда и куда идем?**».*

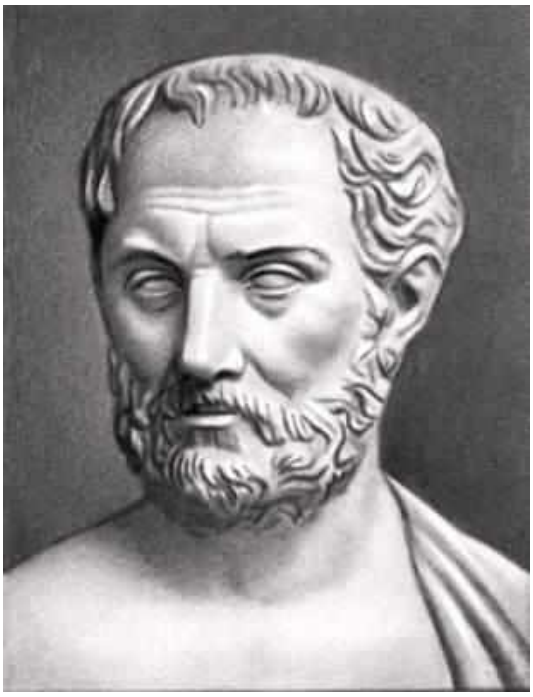
Родиной греческих историописаний стали ионийские полисы (города-государства) Малой Азии, прежде всего, самый культурный торговый город Греции — Милет. Здесь на рубеже VI–V вв. до н.э. начали составляться прозаические хроники прошлого и настоящего, появились первые историки: Гекатей и Дионисий, за которыми в науке утвердилось название «***логографы»*** (прозаики, авторы прозаических рассказов). Логографы, описывая происхождение отдельных местностей, городов, храмов, генеалогию благородных греческих родов, фауну и флору называли свою деятельность «историей». В своих сочинениях они широко использовали в качестве источников местные предания, легенды, эпические поэмы. Именно они ввели в

историописания географические и этнографические экскурсы, закрепили в сознании интерес к чужим землям и быту народов.



Складывающуюся практику античного историописания продолжил **Геродот** (ок.484–425 гг. до н.э.). Во время продолжительных путешествий он изучал историю, образ жизни, бытовые и религиозные обычаи, широко, с любопытством ребенка, применяя метод «расспрашивания». В результате ему удалось, перевести огромную массу устных свидетельств, сохранившихся в памяти людей в письменную форму, сделать их общим достоянием. «Геродот из Галикарнасса, — писал он в первой книге «Истории», — собрал и записал эти сведения, чтобы прошедшие события с течением времени не пришли в забвение и великие и удивления достойные деяния, как эллинов, так и варваров, не остались в безвестности». *(Геродот. История. В 9 кн. М., 2004. С. 21).*

Тема борьбы стала тем единым стержнем, на который Геродот «нанизывал» богатейший исторический материал. Греко-персидские войны представлялись Геродоту важнейшим событием века, существенным элементом истории, как греков, так и персов. Историю конкретного военного конфликта он возводил в ранг извечной борьбы Запада и Востока. Победа над варварами в его глазах символизировала превосходство греческого образа жизни, торжество независимого эллинского духа.

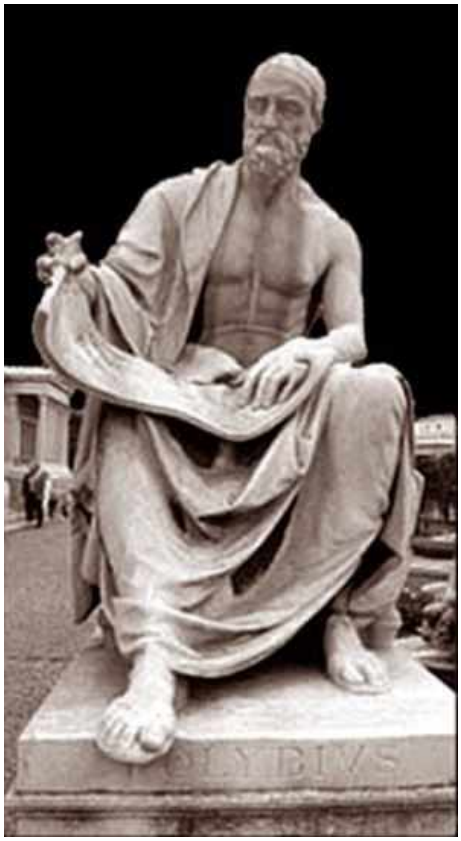


В Античности особое значение придавалось истории современности. Самый мыслящий из всех историков древности **Фукидид** (460–400 гг. до н.э.), когда разразилась Пелопоннесская война (431–404 гг. до н.э.), стал вести о ней ежедневные записи. Если в первой книге своего труда он освещал предысторию войны, придавая ей характер введения ко всему труду, то о событиях войны он пишет уже как непосредственный участник.

Неудивительно, что Фукидид счел необходимым пояснить принципы своей работы. «Что же касается событий этой войны, то я поставил себе задачу описывать их, получая сведения не путем расспросов первого встречного и не по личному усмотрению, но изображать, с одной стороны лишь те события, при которых мне самому довелось присутствовать, а с другой — разбирать сообщения других со всей возможной точностью» *(Фукидид. История. Л., 1981. С. 13)*.

Пожалуй, впервые автором четко осознавалась необходимость «основательной» проверки полученных сведений. Тем самым задача историка, которая до этого времени мыслилась как «отыскание» свидетельств прошлого, уточнялась и представлялась как форма осмысленного, критического поиска. «Мое исследование при отсутствии в нем всего баснословного, — подчеркивал он, — быть может, покажется малопривлекательным… Мой труд создан как достояние навеки, а не для минутного успеха у слушателей» (Там же. С. 14.). Фукидид по праву считается основоположником прагматической историографии. Посвятив свой труд военной истории, он стремился понять и объяснить причины побед и поражений.

Известны и другие древнегреческие историки, оказавшиеся как бы в тени Геродота и Фукидида. Несмотря на многообразие и значимость дошедших до нас исторических сочинений уровень развития исторического знания этого периода определяли труды Геродота и Фукидида. **Вил Дюрант**, один из интересных американских ученых XX в. автор одиннадцатитомной «Истории цивилизации», обращаясь к истории Древней Греции, утверждал: «Геродот олицетворяет обаяние и силу юной историографии; пятьдесят лет спустя, в лице Фукидида она достигает зрелости, превзойти которую потомки уже не смогут» *(Дюрант В. Жизнь Греции. М., 1997. С. 435)*.



В середине IV в. до н.э. Греция вступил в полосу затяжного кризиса. Его преодоление могло произойти лишь с помощью создания новых государственных образований, сочетавших в себе начала греческого строя и древневосточного общества. Самым ярким выражением универсализма и космополитизма эллинистической эпохи стал необычайный успех «всеобщих» («всемирных») историй.

Наиболее оригинальным историком этой эпохи был **Полибий** (205–123 гг. до н.э.). Несмотря на то, что он не относился к историкам эрудитского типа, написанная им «Всеобщая история», стала знаковым явлением. Полибий придает изучению истории исключительное значение: по его мнению, исторический опыт важен не только для понимания настоящего и предвидения будущего, но и воспитания народов.

Главной темой его сочинения стало завоевание Римом «средиземного мира». Полибий подчеркивал, что могущество Рима в отличие от прежних мировых держав (Египта, Персии, Македонии) опирается на неисчерпаемые ресурсы и не может быть «подорванным». В основе его исторической методологии, как и у Фукидида, лежит прагматизм. Он не ограничивается анализом отдельных событий, а пытается выявить более глубокие причинно-следственные связи, определяющие исторический процесс.

Полибий использует широкий круг источников, в том числе документальные архивные материалы. Тем не менее, как и другие античные историки, он считал письменные источники менее ценными, чем свидетельства очевидцев. В соответствие с существующей в античной историографии традицией Полибий отводил решающую роль в исторических событиях характеру и действиям выдающихся личностей.

Историописания в Риме возникли под влиянием греческой культуры и греческой исторической мысли, но, в то же время вобрали в себя достижения эллинской культуры «на римской почве», стали новым самобытным явлением. Своеобразие проявилось в происхождении исторической прозы, которая в отличие от греческой, восходящей, как уже подчеркивалось, к логографии, возникла из летописей (аналлов), что привело к утверждению анналистической традиции. С глубокой древности в Риме существовали так называемые таблицы понтификов (жрецов), записи в которых носили, главным образом, календарный характер. Несколько позднее по этим таблицам стали составлять списки консулов — высших должностных лиц, именами которых в системе летосчисления обозначались годы их консульства.

Исторические сочинения, созданные в Риме, принято относить к разным жанрам: к анналам и к историям. Уже современники пытались осмыслить их различие. Хотя как первые, так и вторые повествуют о прошлом, однако, если в анналах фиксируется, «***что и в каком году происходило***», то в истории стоит задача показать***, «по чьему замыслу и каким образом это событие произошло»***. При этом римские историки ставили перед собой не столько исследовательские, сколько моралистические задачи: прошлое представлялось им неиссякаемым кладезем примеров положительных или отрицательных.

Сложившиеся представления о римском историописании в определяющей степени основаны на изучении сочинения **Тита Ливия** (59 г. до н.э.–7 г. н.э.), названного «Анналы». Позднее издатели дали ему заглавие «История Рима от основания города», и это название до настоящего времени считается общепринятым. События излагались Т. Ливием строго хронологически, по годам, полностью в соответствии с анналистической традицией. Автора не слишком интересовала причинная связь событий: его сочинение буквально «пропитано» патриотическим пафосом, морализаторством, восторженным воспеванием римских нравов и добродетелей. Нельзя не отметить высокое мастерство Т. Ливия в изложении наиболее важных, с его точки зрения, эпизодов, яркие характеристики персонажей, живые, запоминающиеся речи

исторических деятелей. Неудивительно, что уже современниками он признавался «красноречивейшим писателем» среди древних.

Особое место в римском историописании занимают труды **Корнелия Тацита** (ок.55 – ок.120 гг. н. э.). Им было написано два крупных исторических сочинения: «История» и «Анналы». Работы К. Тацита посвящены новой эпохе в истории Рима: если Т. Ливий описывал республиканскую эпоху, то К. Тацит — историк императорского Рима. Во вступлении к «Истории» он прямо заявляет, что прежде, во времена республики, историки писали «красноречиво и искренне». С установлением же единовластия все переменилось: «Правду стали всячески искажать — сперва по неведению государственных дел, которые люди начали считать себе посторонними, потом — из желания польстить властителям или, напротив, из ненависти к ним» (*Тацит К. История. М., 2001. С. 187)*. По его мнению, тот, кто хочет быть полностью правдивым, должен «отрешиться как от любви, так и от ненависти» — писать «без гнева и пристрастия» *(Там же. С. 6)*. К.Тацит действительно пытался писать беспристрастно, но в полной мере ему это не удавалось, как позже сотням других историков.

Подводя краткие итоги, можно отметить следующее: современная историческая наука уходит корнями в античную историографию. Важное научное значение приобрело зарождение научно-критического метода, складывание исследовательской проблематики, появление новых жанров, стилистика и внутренняя драматургия изложения событийной истории. «Античную историографию не раз именовали «прагматической», — писал итальянский интеллектуал, политик и историк **Бенедетто Кроче,** — такова она и есть, как в древнем, так и в современном смысле слова, поскольку, во-первых, сосредоточена на земной или человеческой стороне фактов, в особенности на политике, и, во-вторых, поскольку стремится приукрасить ее цветистыми рассуждениями и нравоучениями» *(Кроче Б. Теория и история историографии. М., 1998. С. 119).*

Средневековье (V – XV вв.)

Средневеко́вье — исторический период всемирной истории, следующий после Античности и предшествующий Новому времени.

Западноевропейское Средневековье охватывает весьма продолжительный хронологический период: время зарождения и формирования Европы как исторической реальности. Традиционно в истории исторической науки было принято противопоставлять «динамичное», «прогрессивное» Новое время «темному», «регрессивному» Средневековью. Именно на эту сторону проблемы обращали внимание многие известные медиевисты, подчеркивая необходимость преодоления предвзятого представления, что Античность и Возрождение — «эпохи, залитые ярким дневным светом, тогда как над средними веками солнце, не всходило, чуть ли не тысячу лет» (*Гуревич А. Избранные труды. В 2 т. Т.2. Средневековый мир. М.; СПб., 1999. С. 25).*

Подобное отношение к средним векам уже давно лишено смысла. Все более явственно проявляется потребность рассматривать историю «средневекового мира» как самостоятельную историческую ценность. Средневековье — эпоха масштабных политических, социальных и мировоззренческие противоречий и конфликтов, борьбы консервативных и новаторских тенденций, Столетней войны и «черной смерти», церковного догматизма и религиозного свободомыслия, феодальных усобиц и народных движений. На этом историческом этапе народы Западной Европы прошли мучительно сложный и долгий путь: важнейшими вехами на этом пути стало складывание народностей, появление государств, развитие городов и торговли, позитивные изменения в культурной жизни. Средневековый Запад, зародившийся на развалинах Западно-Римской империи, пытался по возможности воспринять все значимое, что осталось от античной цивилизации особенно в области культуры и политической организации. «Именно в сохранении античного наследия Средневековье наилучшим образом проявило себя в качестве передатчика ценностей и достижений от прошлого мира будущей Европе*» (Ле Гофф Ж. Рождение Европы. СПб., 2008. С. 21*).

В средние века христианское учение стало «центральной осью», вокруг которой происходило историческое движение Запада. Универсальная история, то есть история мира, восходящая к сотворению мира и человека, связывала между собой самые отдаленные провинции этой обширной духовной империи. При обращении к произведениям ветхозаветного канона, явственно предстает огромное историческое пространство — от сотворения мира и человека до V в. до н.э. Для Средневековья это был «общемировой масштаб», что позволяло многим сочинителям отразить в своих записях не только собственные исторические воззрения, но и представления, существовавшие у соседних народов. История в той или иной степени присутствует во всех ветхозаветных

сочинениях. Это — предания о военных походах племен, этнологические сказания о святилищах, племенные и родовые саги, списки племенных территорий, песни о подвигах и гибели древних героев.

Не менее значимым для понимания процесса развития исторического знания стал вопрос, связанный с влиянием на средневековую историческую мысль античности. Несмотря на выраженные признаки преемственности, между античной и средневековой историографией существовал достаточно заметный разрыв, хотя и не следует преувеличивать степень его глубины. Духовное наследие греко-римского мира прошло «переплавку» в христианской среде, проявившуюся в «очищении» мыслей древних авторов от языческих наслоений. В исторических сочинениях часто встречаются ссылки на Т. Ливия и К. Тацита. Заметное влияние на стилистику работ оказали морализирующие рассуждения римских историков о падении нравов как главной причине государственных потрясений и общественных бедствий.

Наиболее значимой фигурой переходного периода от Античности к Средневековью по праву считается **Аврелий Августин**, епископ Гиппонский (354–430). Его знаменитое сочинение «О граде Божьем», оказало определяющее влияние на историко-философскую мысль, надолго предопределив развитие исторического знания в теологическом направлении. В концепции Августина Бог представал как основная сила истории: только его воля определяет развитие человечества. Центральное место в размышлениях Августина занимала идея всемирной истории: каждое общество стремилось определить свое место во всемирно-историческом процессе, войти в единую семью христианских народов, связав свою историю с библейской.

Знаковый характер носило разделение Августином истории на две части: до рождества и после рождества Христова, то есть историческое время приобретало смысл религиозного и церковного.

Первые «истории» писались, как правило, представителями римской аристократии, пытавшимися спасти от забвения хотя бы некоторые элементы античной образованности. В их сочинениях содержался ценнейший фактический материал, в том числе, бытовавшие в народе древние саги, народные песни, предания о предках, о переселениях, о первых герцогах и королях. Значение подобных записей очень велико: в них вошли важные сведения по ранней истории народов, закладывалась основа для формирования исторической мысли. На развитие исторического знания не могли не оказывать влияния происходившие изменения. Расселившиеся в V в. по Римской империи «варвары» (остготы, вестготы, бургунды, вандалы, лангобарды и др.), уже не были «дикими» народами, только что вышедшими из лесов и степей: в своих

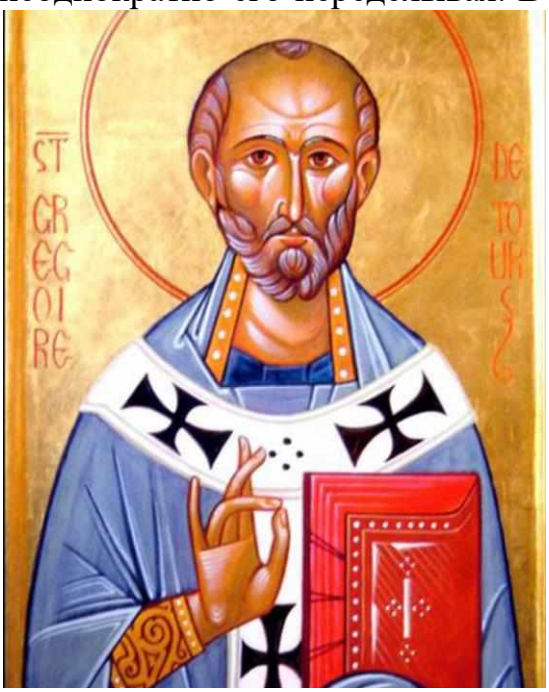
странствиях они вступали в контакты с разными народами и культурами, от которых восприняли нравы и ремесла.

К «основоположникам средневековой культуры» Ж. Ле Гофф относит **Боэция, Кассиодора, Исидора Севильского и Беду Достопочтенного** (*Ле Гофф Ж. Рождение Европы. С. 34–36).* Первый из них — **Боэций** (484–520) был потомком древнего римского аристократического рода: именно он перевел и прокомментировал все известные в его время сочинения Аристотеля. Не менее важна для европейской культуры деятельность **Аврелия Кассиодора** (ок.490–580). После крушения блестящей политической карьеры он удалился в монастырь, где организовал работу по переводу греческих текстов и переписыванию рукописей. Интеллектуальный труд он рассматривал как «божественное служение», определив тем самым новое поле деятельности церкви.

Признанным энциклопедистом Средневековья считается **Исидор, архиепископ Севильи** (ок.570–636), потомок знатного испано-римского католического рода. Современники называли его «самым ученым из людей нынешнего времени». Его энциклопедическая начитанность обнаруживается особенно в произведениях научного и богословского содержания. Из исторических трудов наибольшую известность получила его «История готов, вандалов и свевов». В ней Исидор использовал труды своих предшественников и современников, а также материалы собственных наблюдений.

Первым английским историком принято считать **Беду Достопочтенного** (673–736), монаха монастыря Ярроу, ставшего в средние века общепринятым авторитетом в области богословия, естествознания и истории. Важнейший исторический труд Беды «Церковная история англов» («Церковная история английского народа»), написанная на латыни, стала первой попыткой создания национальной истории. Беда обладал весьма широким историческим кругозором. Его работа насыщена документальным материалом и что особенно важно, в ней использованы ныне утраченные монастырские анналы и документальные источники.

Общую картину развития исторического знания невозможно свести только к этим фигурам средневековой культуры. Так, политическая история франков была изложена в знаменитом труде «Церковная история франков» «отца французской истории» **Григория, епископа Турского** (ок.540–ок.594). Автор работал над этим произведением всю жизнь, неоднократно его переделывая. В его труде, написанном в живой и выразительной манере, события светской истории переплетаются с фактами церковной истории. В работу вошли сведения о церкви и ее политике, о культуре и быте, об экономике, о торговле, о налогах, о положении различных социальных групп, о восстаниях народа, доведенного до отчаяния вымогательствами чиновников. Несмотря на то, что предметом исторического интереса стал широкий круг проблем, ситуация складывалась таким образом, что в историческом знании в первую очередь была заинтересована церковь. Утверждалась особая система христианско-исторического мировоззрения: общим место всех сочинений стала идея провиденциализма. При таком подходе история воспринималась как «пьеса, написанная богом».



Особое значение для развития исторического знания имели анналы и хроники. Появившиеся в монастырях в VI в. они продолжали унаследованную от Рима анналистическую традицию. В анналах содержались сведения о вступлении на престол того или иного лица, о войнах, о битвах, о землетрясениях, о моровых поветриях и многом другом. Наряду с монастырскими записями появляются и придворные анналы, имевшие строго официальный характер. Так возник, как полагают, в 795 г. летописный свод, известный под названием «Королевские анналы» или «Анналы Франкского королевства». Их особенностью являлась превосходная осведомленность составителей о политической жизни страны, стремление к упорядочению и объединению различных материалов, подвергнутых основательной переработке.

Наибольшую известность приобрели хроники аббатства Сен-Дени во Франции. С конца XII в. на основе анналов начал постепенно складываться обширный латинский свод хроник, за которым прочно закрепилось название — «Большие французские хроники». Наряду с этой

знаменитой хроникой был создан целый ряд других не менее важных: «Сент-Албанская хроника», «Норманская хроника», «Хроника первых четырех Валуа» и др. В них фиксировались не только события современной истории, но и «закреплялись» знания заимствованные у предшественников.

Хроники составлялись не только в монастырях и при королевских домах, но и в отдельных городах. Авторами городских хроник были члены городского совета, купцы, цеховые мастера, профессора университетов. В XIV в. хроники появляются во многих городах Европы. В них находила широкое отображение жизнь городов: заседания городских советов, городских судов, «война городов», социальные противоречия, повседневная жизнь горожан. Учитывая, что в это время заметно возрастает политическая роль городов, в городских хрониках содержатся также материалы по истории страны в целом и даже по истории соседних стран.

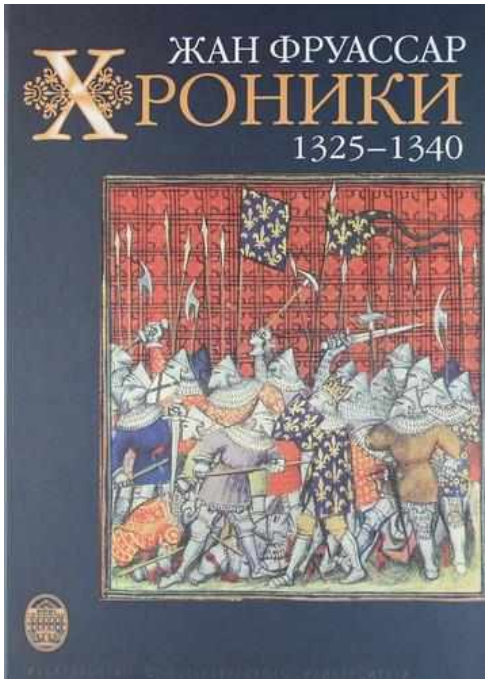
«Разорвать» культурную замкнутость европейского Средневековья, в значительной степени удалось, как это не парадоксально прозвучит, благодаря крестовым походам. Именно крестовые походы привели Запад в тесное соприкосновение с новым для европейцев культурным миром Византии и мусульманского Востока, откуда, западноевропейскими народами были заимствованы судоходная и торговая техника, компас, бумага, элементы эллинистической и арабоязычной науки, труды Платона, Аристотеля и их восточных комментаторов.

Наиболее ценная хроника этого типа составлена архиепископом **Гильомом** (ок.1130–ок.1186), одним из наиболее образованных людей своего времени. Кроме французского, он владел греческим, латинским и арабским языками, принимал активное участие в политической жизни, часто бывал с дипломатическими поручениями в Риме и в Константинополе.

В своей главной работе «Иерусалимская история» он широко использовал хроники первого крестового похода. Благодаря своему высокому положению он

имел доступ к широкому кругу источников, сообщаемые им сведения, в основном, достоверны и касаются самых разнообразных сторон жизни Иерусалимского королевства и истории второго крестового похода. Хроника Гильома пользовалась огромнейшей популярностью: не только хроникеры, но и поэты черпали из нее исторические сведения и вдохновение.

Несмотря на то, что постепенно утрачивался интерес к хроникам, происходило «угасание» этого жанра, наиболее ярким и обширным произведением, «венцом» этого жанра стали «Хроники Франции, Англии, Шотландии, Испании, Британи, Гаскони, Фландрии и соседних стран», включившие обширную политическую и военную историю Западной Европы на протяжении почти всего XIV в. Их составителя крупнейшего французского хрониста **Жана Фруассара** (1337–1405) нередко называют «Геродотом средневековой Европы». Ж. Фруассар представлял редкий тип средневекового историка, ищущего материал повсюду: почти всю жизнь, провел в разъездах, «охотясь» за новостями и очевидцами событий». Его хроники полны живыми диалогами, портретами феодалов, художественными описаниями пейзажей. Несмотря на то, что он некритически относится к получаемой информации, что было свойственно большинству средневековых авторов, хроники имели исключительный успех у современников и потомков.



Хроники стали первой попыткой систематизации свидетельств об историческом прошлом. Авторами хроник становились не только монахи, но и светские люди, главным образом, королевские советники, рыцари, крупные феодалы, горожане. Говоря о развитии исторического знания в средние века важно обратить внимание, на то, что эти века стали временем зарождения исторического знания на Руси. Особое значение имеют русские летописи. Так, «Начальная летопись» или «Повесть временных лет» (XII в.) отражает не только первоначальный опыт исторического знания, накопленного на Руси, но и достижения европейской исторической мысли.

Подводя краткие итоги рассмотрения истории исторического знания в средние века, следует подчеркнуть, что историография этого периода знала не только блестящие взлеты (XII в.), но и испытала пагубное влияние общественных кризисов. Определяющей особенностью средневековой истории являлся провиденциализм, вытеснивший прагматизм античной исторической мысли.

Новое время (конец XV – конец XIX вв.)

Но́вое вре́мя — период в истории человечества, находящийся между Средневековьем и Новейшим временем.

В течение этого периода в странах Западной Европы произошли глубокие политические, хозяйственные и социальные сдвиги, оказавшие сильнейшее воздействие на духовную жизнь и общественное сознание миллионов людей, что не могло не повлиять на процесс развития исторического знания, определяя направленность и структуру оригинальных исторических концепций.

Вплоть до начала Нового времени история носила описательный характер. Непосредственным объектом её внимания были внешние события человеческой истории, изложенные в хронологической последовательности. В эпоху **Возрождения (Ренессанса)** (XIV–XVвв.) начался процесс формирования мышления, которое принято называть научным, происходило интенсивное изменение мировоззрения. Обращение к исторической тематике стало характерной чертой творчества многих гуманистов. Критическому переосмыслению была подвергнута христианская теология: историки-гуманисты решительно пытались «изгнать» божий промысел из истории, придать ей светский характер, дав рациональное объяснение историческим событиям.

Наиболее ярко особенности гуманистического направления отразились в деятельности итальянской, французской и английской исторических школ, ярчайшими представителями которых стали известные мыслители и политический деятели, сыгравшие значительную роль в развитии исторической мысли. Прежде всего, **Леонардо Бруни** (1370–1444), автор многотомной «Истории Флоренции». Как историк Л. Бруни решительно порывал со средневековой традицией: в его труде нет размышлений о божественном промысле в истории. В духе античной традиции он преподносит историю как своего рода драму, а исторических деятелей — как ее героев, воплощающих те или иные пороки и добродетели. Ради эмоционального воздействия на читателя он исключает из изложения все с его точки зрения «низменное» — экономику, финансы, быт.

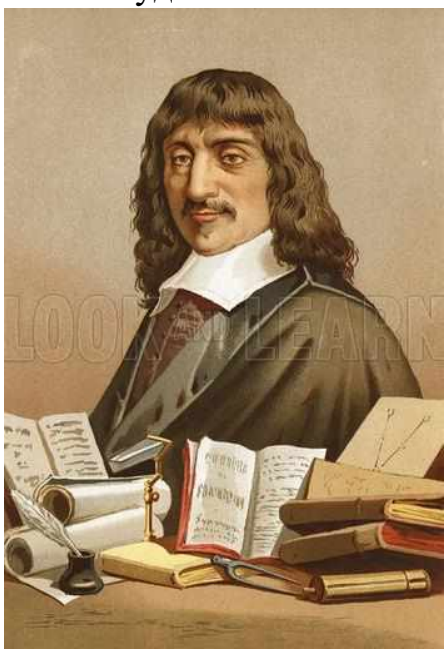
Не менее значимой фигурой был **Никколо Макиавелли** (1469–1527). В «Истории Флоренции» он стремился не просто излагать, но и познавать историю, открывая ее движущие силы. Описание деяний флорентийского народа, по его замечанию, потребовало не только прилежания и умения, но и обширного жизненного опыта. От других сочинений этого времени его работа отличалась реалистичностью повествования, отсутствием напыщенности и риторики. Работы Н. Макиавелли сыграли значительную роль в развитии исторической мысли не только в Италии, но и Европы, оказав определяющее влияние на своих современников и последующую историографию.

Во Франции особую известность приобрел **Жан Боден** (1530–1595). В трактатах «Метод легкого ознакомления с историей» и «Шесть книг о государстве» Ж. Боден, как и Н. Макиавелли, отстаивал мысль о наличии в истории внутренних объективных закономерностей. К их числу он относил воздействие на историю географической среды, определяющей психологический склад разных народов и во многом влияющий на их историческую судьбу. Вместе с тем он не считал влияние географического фактора в истории чем-то непреодолимым: полагая, что разумные законы могут смягчить или устранить действие неблагоприятных естественных условий. В дальнейшем эти идеи получили развитие в работах историков эпохи Просвещения. Развивая идею прогресса в истории, Ж. Боден подчеркивал превосходство современной эпохи не только над временем дикости и варварства, но и над Античностью. При этом прогресс он видел в развитии наук, расширении географического кругозора людей, совершенствовании искусств и, что наиболее нетипично для существовавших взглядов, в области промышленности, торговли, военного дела. Ж. Боден значительно опередил свою эпоху в оценке истории, считая, что история есть **наука,** обладающая соответствующим предметом и методами познания. Конечно, как человек своего времени он не мог не отдать дань представлениям о влиянии магических сил и демонического начала на ход истории.

В Англии **Томас Мор** (1478–1535), создает первую социалистическую модель общественного устройства. Написанная им «Золотая книга столь же полезная, как и забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопия» сыграла заметную роль в развитии гуманистической историографии. Т. Мор подверг резкой критике общественный и политический строй современной Англии. Частную собственность он объявлял причиной социального неравенства и угнетения: резко осуждал результаты «огораживаний» для крестьянских масс («овцы поедают людей»), кровавое законодательство против «бродяг и нищих», горячо поддерживая идею социальной справедливости.

Благодаря этим и многим другим гуманистам историография Возрождения внесла много нового в развитие исторической мысли, в накопление исторических знаний, в методы изучения истории, в совершенствование литературного стиля исторических трудов. Однако гуманистам, как правило, не хватало историзма: превознося историю древнего мира, они пренебрежительно относились к истории средних веков, видя в ней только время упадка культуры и знаний. Возникнув в рамках Средневековья и в принципе не порывая с его ценностями, эта культура, тем не менее, существенно переместила акценты в существовавшей картине мира, создав условия для становления идеологии Нового времени.

В современной исторической мысли особое внимание уделяется ***XVII в***. Именно в это время начались многочисленные дискуссии о характере исторического знания. За одно столетие было написано несколько десятков объемных трактатов, посвященных способам изучения прошлого. Так, в изданное в 1576 г. собрание сочинений под общим названием «Сокровищница искусства истории» вошли 12, а во второе издание (1579) уже 18 специальных трактатов. Заметим, что именно в это время история выделилась из философии и риторики, обретя свой предмет и методы исследования, освоив правила отбора и организации исследуемого материала. Значительное влияние на становление истории как науки оказали взгляды математика, физика, физиолога и философа, **Рене Дека́рта** (1596–1650), по предложенной им шкале все науки располагались по нисходящей цепочке, начиная с математики и заканчивая историей и моралью. Знание законов, по Р.



Декарту, было возможно лишь в точных науках, в то время как история подобно путешествию, является источником удовольствия, а не научных знаний. Более того, действия и поступки людей он считал непредсказуемыми, учитывая, что об их мотивах и намерениях можно судить лишь с определенной долей вероятности. Не меньшее влияние на развитие исторического знания оказали взгляды знаменитого философа-материалиста **Фрэнсиса Бэкона** (1561–1626). Он предложил обширную программу перестройки интеллектуального мира, подвергнув резкой критике существовавшие схоластические концепции. На основе эмпирических данных и изученных фактов он стремился выявить причинно-следственные связи и на их основе объяснить ход истории. Для него важно было определить условия, в которых зарождались и развивались изучаемые события, выяснить историческую роль отдельных личностей. Главными науками, по его мнению, должны быть история, поэзия, философия.

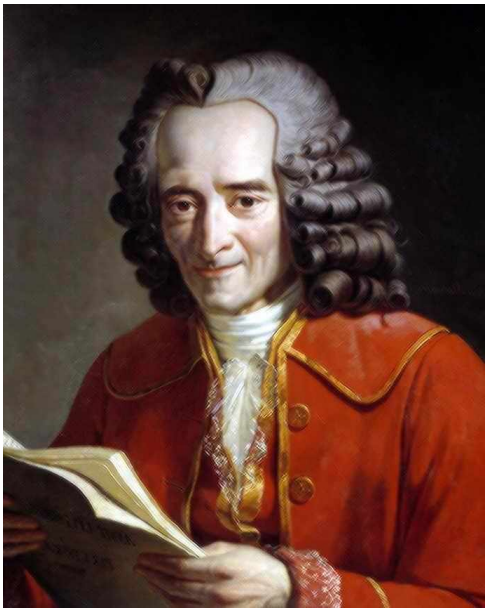
Важным этапом развития исторической мысли Нового времени стал век ***Просвещения*** (XVIII в.). Творцами Просвещения были выдающиеся философы, историки, писатели, публицисты. Именно в их работах формулировались основные идеи просветительства, вырабатывалась *новая* система ценностей, формировались *новые* исторические представления. Просветители доказывали, что общество должно быть перестроено согласно требованиям разума, в соответствии с естественными и неотъемлемыми правами человека. Осмысливая причины несовершенства и пороков общественного строя, размышляя о путях его переустройства, просветители обращались к историческому прошлому, стремясь в истории найти ответы на волнующие вопросы.

По их убеждению знание не должно было быть исключительным достоянием некоторых просвящённых и привилегированных людей, а должно стать доступным всем, приносить практическую пользу. Кульминацией этого стремления стало издание **«Энциклопедии, или Толкового словарь наук, искусств и ремёсел»**. Этот труд собрал воедино всё накопленное человечеством знание. В нём доступно объяснялись все стороны жизни, общества, наук, ремесла и техники, повседневных вещей.

Просветители были убеждены в высоком общественном предназначении истории. Наряду с философией, она мыслилась, как важнейшее средство просвещения умов в духе новых идей, как источник опыта прошлых поколений, помогающий определить пути в будущее.

Традиционной сферой внимания оставалась античная история, но неизмеримо вырос интерес к национальным историям Франции, Англии и других стран Европы. Складывалось представление об истории как о **всеобщей,** охватывающей все народы, жившие некогда и продолжавшие жить. В литературе того времени стало встречаться понятие «историческая наука».

Среди выдающихся деятелей французского Просвещения особое место занимает **Вольтер** (Мари Франсуа Аруэ) (1694–1778). Философ, писатель, поэт, драматург он был также признанным историком. Его перу принадлежат такие исторические труды, как «История Карла XII», «Век Людовика XIV», «Обзор века Людовика XV», «История России в царствование Петра Великого». Наиболее известно его сочинение — «Опыт о нравах и духе народов и о главных исторических событиях». Его исторические сочинения содержат изложение событий мировой истории с первобытных времен до середины XVIII столетия. Благодаря его трудам намного расширились географические рамки истории. Всемирная история Вольтера — это история всего человечества: на доступном ему материале он стремился воссоздать историю Китая, Индии, Японии, арабских народов, народов Африки и Америки. Задачу историка он видел не в простом собирании фактов и изложении событий, а в критическом осмыслении всего материала с точки зрения разума, в создании «философской истории».



Идеи Просвещения играли значимую роль и в общественной жизни Англии. Английские просветители, как и их единомышленники на континенте, были убеждены, что миром правят идеи, и потому достаточно разъяснить людям ошибочность существующих представлений, на которых держатся устаревшие и вредные учреждения. Переворот во взглядах, моральные поучения и назидательные примеры, по их убеждению, неизбежно приведут к полному общественному перевороту.

Крупнейшим английским историком эпохи Просвещения был **Эдуард Гиббон** (1737–1794). Его главный труд — «История упадка и гибели Римской империи» по форме и содержанию представлял один из лучших образов просветительской историографии. История Римской империи побуждала к размышлениям над судьбами империй вообще и Британской в частности. Работа Э. Гиббона выгодно отличается от других сочинений по истории того времени

еще и тем, что автор опирался на широкий круг источников, привлекая буквально все доступные ему научные издания. Не случайно его произведение на протяжении многих десятилетий пользовалось огромной популярностью. Еще при жизни автора оно было переведено на многие европейские языки и неоднократно переиздавалось.

Вершиной философской мысли немецкого Просвещения явилось творчество **Иммануила Канта** (1724–1804). Всемирная история была для него определенной системой, ступенями которой являлись Древняя Греция, Рим, германские народы. И. Кант представлял развитие этой системы как закономерное и прогрессивное. Исходной точкой развития общества И. Кант считал человеческий труд и последующее его разделение. Интересно, что в качестве подтверждения своих выводов он приводил различные эпизоды из Библии.

Оригинальным был взгляд И. Канта на государство. Большинство немецких мыслителей видели в современном им государстве лишь враждебный человеку механизм, который надо разрушить. И. Кант подходил к проблеме шире: он считал важнейшим фактором исторического развития противоречия, и даже антагонизм между людьми, заставляющий их создавать регулирующий орган порядка — государство, некое культурное начало, без которого невозможно человеческое общее бытие. На этом был основан его план создания всемирного союза государств, строящих свои отношения на гарантиях равноправия и суверенности всех его членов. И. Кант подчеркивал, что любое государство, независимо от его размеров или численности населения, обладает правом на самостоятельное существование и не может быть захвачено или порабощено другим государством.

Идеи просветителей определили новый этап в развитии исторического знания, способствовали становлению философии истории, выявлению круга важнейших теоретико-методологических проблем: движение истории, исторический процесс, историческое время, закономерные и случайные явления в истории. Благодаря личной известности просветителей, созданные ими работы читались, идеи проникали в сознание образованной Европы, становясь благодатной почвой для новых интеллектуальных прозрений. Просвещение стало концептуальной основой современной цивилизации: именно в эту эпоху уходят корнями идеи правового устройства общества, вера в прогресс и человека.

В начале XIX в. историческая наука развивалась в новых, отличных, от века Просвещения условиях. Этот век называли «веком чудес», веком удивительных открытий. Причем не только в естествознании или в технике, но и в области духа, в гуманитарной сфере. С началом века в европейской культуре постепенно утверждалось новое, широкое и противоречивое по содержанию

идейно-художественное течение — **романтизм.** Его интеллектуальным стержнем стало понятие **«развитие»** переросшее в общее убеждение. В основе анализа общественных явлений лежал историзм, основанный на генетическом подходе, требовавший их рассмотрения с момента зарождения до наивысшего расцвета и упадка.

Так, романтические идеи нашли отражение в «Истории государства Российского» **Николая Михайловича Карамзина** (1766–1826). Занятый судьбой правителей, он не забывал о судьбе народа, уделяя много внимания описаниям быта, истории торговли и земледелия. Действительно, как писал А.С. Пушкин Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка — Колумбом.

Особое значение для утверждения истории как науки имело распространение **позитивизма.** Позитивизм (положительное, подлинное) — философско-социологическое направление возникло в 30-е гг. XIX в. Основателем позитивизма и создателем позитивистской социологии был французский философ **Огюст Конт (**1798–1857). Главная идея позитивистов сводилась к призывам превратить историю в научную дисциплину.

Позитивисты стремились внедрить в историческое исследование методы естественных наук, подчас игнорируя различия познавательного процесса в естественных и гуманитарных науках, пытались ориентировать историю на поиск законов общественного развития, на прямое сопоставление природных и социальных явлений. Несмотря на споры между социологами и историками о том, кому принадлежит право открывать законы развития общества, в позитивистской историографии сформировалась уверенность в закономерности исторического процесса. Фактически все крупные историки в той или степени ощутили влияние позитивизма. Среди русских ученых это влияние заметно в сочинениях **Н.Я. Данилевского, Н.И. Кареева, В.О. Ключевского.**

Выдающимся явлением в историографии стала **«русская историческая школа»** всеобщих историков. Это было первое научное сообщество историков России, получившее мировое признание. Исследование истории других стран, как утверждал **Николай Иванович Кареев** (1850–1931), очень важно: ученый, воспитанный в традициях другой национальной школы, может внести в «чужую» историографию «нечто новое — точку зрения, общий отправной пункт,

методологическое соображение». *(Кареев Н.И. Из лекций по общей теории истории. Ч.1.Теория исторического знания. СПб., 1913. С.253).* При таком подходе расширяются возможности вариативности в историографии, в научный оборот вводятся идеи обязанные своим происхождением иной социальной и культурной среде.

Обращаясь к общей характеристике процесса развития исторического знания XIX в. невозможно игнорировать такое явление как ***марксизм.*** Марксистское понимание истории возникло неслучайно, оно было подготовлено предшествующим развитием наук о природе и обществе. Важно подчеркнуть, что для основоположников марксизма **Карла Маркса** (1818–1883) и **Фридриха Энгельса** (1820–1895) было характерно глубокое знание передовых философских, экономических и исторических теорий, сочетавшееся с решительной критикой их фундаментальных теоретико-методологических основ.

В развитии всех стран и народов марксизм обнаружил исторические закономерности, однородные отличительные черты, которые выразил понятием **«общественно-экономическая формация».** Согласно материалистическому пониманию истории, фундаментом, базисом любого общества является определенная система общественно-экономических укладов, представляющих поступательные стадии развития, такие как — первобытный строй, группа формаций, основанных на эксплуатации чужого труда (рабовладельческая, феодальная и капиталистическая) и высшая форма человеческого общества (коммунистическая формация, бесклассовое общество). Понятие формация охватывало все стороны жизни общества, разделяя их на явления базисные и надстроечные. К базисным явлениям относились экономические и соответствующие им социальные отношения, к надстроечным — политико-правовые, идеологические, культурные, а также формы быта, семьи, образа жизни.

Наряду с исследованием крупнейших событий истории XIX в. первые марксисты самым тщательным образом изучали отдаленные исторические события и эпохи, считая, что исторический опыт может помочь решению важнейших современных проблем. У марксистского понимания истории всегда было немало сторонников, впрочем, как и противников. «…Нынешнее, враждебное отношение, как бы велико оно ни было, — пишет английский

историк Джон Тош, отнюдь не принадлежащий к числу марксистов, — не изменит того факта, что марксизм оказал совершенно беспрецедентное воздействие на историческую науку и в качественном, и в количественном смысле. Эта теория не имеет равных по широте охвата и уровню научной проработки. Пока историки признают необходимость теории, они будут обращаться к марксистской традиции (*Тош Дж. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. М., 2000. С. 211)*

В целом, следует заметить, что в хронологических границах Новой истории шла постоянная интеллектуальная работа по упрочению социального статуса историографии как письменного дискурса и как научной дисциплины. В XIX в. сложилась твердая убежденность в познавательных возможностях истории как науки. Для ведущих направлений исторической мысли этого времени характерно стремление представить историческое знание как объективное и достоверное, базирующееся на критике источников и четких теоретико-методологических основаниях.

Новейшее время (начало XX в. — наши дни)

Новейшее время — феномен историографии советского общества, модернизм и постмодернизм, современный этап развития исторической науки.

В XX в. в исторической науке происходят сложные, неоднозначные, а порой противоречивые процессы. С одной стороны, история сближается с другими гуманитарными, социальными и, отчасти, с естественными науками, в чём проявляется её интегральный характер. Вместе с тем продолжается дальнейшая дифференциация исследовательских направлений внутри самой исторической науке. Для многих национальных школ этот век стал временем поиска своего пути в истории: наряду с классической историографией широкое развитие получили новые, модернистские направления исторического знания. Уже в начале века историки обратили внимание на то, что проявилось необозримое количество исторических исследований, которые время от времени приходилось перерабатывать, собирать и, как бы кодифицировать, с тем, чтобы сохранить «власть над увеличивающимся материалом» (*Трельч Э. Историзм и его проблемы. Логическая проблема философии истории. М., 1994. С. 11).* Многие из проблем «по наследству» перешли в современный век, обусловив особенности процесса развития исторического знания. Происходившие в исторической науке процессы были настолько динамичными и масштабными, что возникло ощущение их перманентной революционности.

Своеобразный, весьма важный этап развития историографии XX в. несмотря на негативное отношение к ней значительной части современных историков, представляет **советская историография**. Термин «советская

историография» отражает принадлежность этого направления исторического знания к конкретному общественному строю («советское общество») и определенной идеологии — марксизму, точнее, марксизму-ленинизму. Хронологически советская историография охватывает период с 1917 г. — до конца 80-х гг., весьма условно, около семидесяти лет. Для историографии этого периода характерно противоборство марксистских и не марксистских (буржуазных) идей; кардинальное преобразование организационных основ исторического знания; консолидация историков-марксистов; «вытеснение» историков «старой» школы; складывание новой проблематики, перемещение исследовательского интереса в сферу социально-экономических отношений, классовой борьбы и революционных движений; утверждение «культовых» явлений; репрессии против историков.

До революционных событий 1917 г. российская историческая мысль развивалась в едином европейском историографическом пространстве. Более того, в ряде случаев заметно влияли на развитие мировой исторической мысли. Глобальные социальные потрясения начала XX в. оказали воздействие на историческое знание: стали интенсивно развиваться новые научные направления, такие как социальная и экономическая история, социальная и историческая психология, историческая демография, что углубляло водораздел между европейской и советской исторической наукой, порождало состояние тотальной борьбы с «буржуазными фальсификаторами истории», самоизоляцию от «зарубежной» науки.

К концу данного периода в советской историографии все более заметно стали проявляться кризисные явления: разрыв между количеством накопленного исследовательского материала и уровнем его теоретического осмысления; догматизация исторического знания; стагнация в сфере проблематики, освоения документальной базы, исследовательских технологий. Несмотря на вполне объяснимую, негативную окрашенность некоторых положений, хотелось бы отметить особое значение советского периода в развитии российской историографии. Вопреки всем сложностям, противоречиям этого времени для историков был характерен социальный оптимизм, стремление не только познавать, но и «делать историю». Советская историография, хотим мы это или не хотим признать, наше общее наследие. Это важно понять, чтобы вновь не допустить разрыва российской историографической традиции.

Модернистский «поворот» в исторической науке в значительной степени основан на идеях школы «Анналов», возникшей во Франции в конце 20-х годов. У истоков этого направления стояли выдающиеся историки **Марк Блок** (1886–1944) **и Люсьен Февр** (1878–1956). Главную задачу М. Блок видел в преобразовании исторической науки, обновлении ее проблематики и методов. У него, как и у Л. Февра, вызывало глубокую неудовлетворенность состояние историографии.

Деятельность «анналистов» стала важным шагом в развитии историографии: сложилась научная школа, влияние которой заметно ощущается и в наши дни, в том числе, и на современную российскую историческую науку. В значительной степени определение «новая история» может быть отнесено не только к школе «Анналов», но и к неомарксистской историографии; к представителям Билефельдской исторической школы в Германии; к американской социальной истории. В принципе все эти версии «новой истории» находились в границах модернистской историографии, став своеобразным бунтом против утвердившихся в исторической науке представлений.

С поражающей настойчивостью историки школы «Анналов» призывали повернуться «лицом к ветру», привлечь опыт людей прошлого для разрешения «жгучих» проблем современности. За критикой «старой» историографии стояли серьезные идеи, связанные с пересмотром предмета и методологических принципов исторической науки. В центре внимания оказались отношения между человеком, обществом и исторической средой. «Новая» историческая наука решительно отправилась на поиски «живого человека», стремясь «воскресить» жизнь людей прошлого во всей ее полноте и сложности: их привычки, чувства, мысли, повседневную жизнь, способы борьбы с конкретными обстоятельствами.

Решительно выступая против традиционной, повествовательной историографии «новые» историки призывали разрабатывать научную, проблемную историю, позволяющую вскрывать глубинные, потаенные пласты истории. Пользуясь данными не только истории, но географии, экономики, психологии, лингвистики, исследователи стремились овладеть всеми науками о человеке. «Удобства ради, — писал Л. Февр, — человека можно притянуть к делу за что угодно — за ногу, за руку, а то и за волосы, но, едва начав тянуть, мы непременно вытянем его целиком. Человека невозможно разъять на части иначе

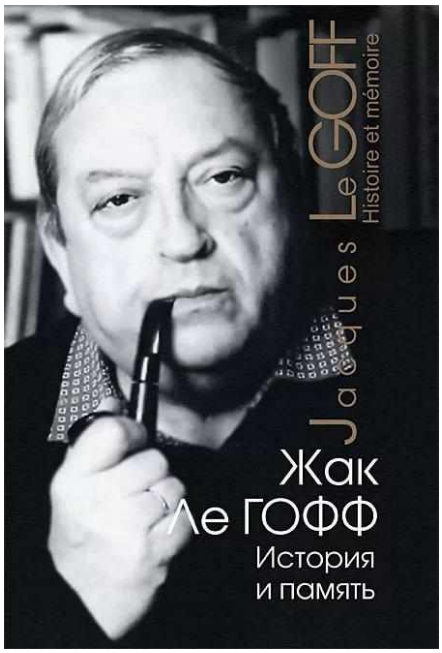
он погибнет», а между тем, продолжал он, историки «нередко только тем и занимаются, что расчленяют трупы» **(***Февр Л. Бои за историю. М., 1990. С. 13, 26***)**. Все большую значимость приобретал тезис о «тотальности» изучения человека. «История — наука о человеке, не будем забывать об этом» *(Там же. С.36).*

Обращение к широкому кругу не традиционных проблем, настойчивое стремление освоить такие аспекты жизни прошлого, которые ранее не интересовали историческую науку, обусловило потребность «пересмотреть» сложившиеся представления в сторону их углубления за счет привлечения *новых* нетипичных источников или *нового* прочтения уже известных. С удивительным упорством развенчивалось исключительное для нарративной истории значение события и приоритетное значение отражающего его письменного документа. Складывалась новая источниковедческая концепция: в ее основе находилось утверждение, что источники только «следы», по которым историк восстанавливает прошлую действительность. «Пена. Гребешки волн, рябь на поверхности мощных дыхательных движений океана. Мелкая пыль индивидуальных поступков, судеб, происшествий» *(Про А. Двенадцать уроков по истории. М., 2000. С.84)*.

Благодаря историкам школы «Анналов» критика традиционной историографии все больше стала напоминать военную операцию («бои за историю», «апология истории» и т.п.). На разных этапах развития «новой истории» менялись не только акценты, но и объекты исследования: история становилась то экономической, то социальной, то культурной, то ориентировалась на изучение повседневности или ментальности. В сфере внимания историков этого направления оказались проблемы географии, демографии, экологии, антропологии.

Предметом анализа стали, с одной стороны, сложившиеся научные традиции, важнейшие тенденции развития исторического знания, а с другой — возможности изменения исследовательского пространства, методологических подходов, что неизбежно обусловило модификацию проблематики и исследовательских подходов. Так, развитие экономической истории привели не только к усложнению понятийного аппарата заимствованного из экономической науки, но и утверждению мнения, что лишь применение математических методов может гарантировать получение истинного знания. Началось массовое увлечение математическими расчетами и моделями, подкрепленное стремительным развитием вычислительной техники. Со временем произошло заметное отрезвление: стало ясно, что математические методы имеют ограниченную сферу применения и не способны принципиально изменить представления о историческом прошлом.

Под доминирующим влиянием школы «Анналов» сформировалась и своеобразная версия социальной истории. Сторонники «новой» социальной истории придерживались точки зрения, что все гуманитарные дисциплины должны объединиться в единую социальную науку, подчинившись правилам социологического подхода. В центре исследовательского внимания оказались не действия выдающихся исторических личностей, а простой человек, веками находившийся в тени истории. «Новая история», в этом отношении, стала принципиально значимым этапом в историографическом процессе, так как дала возможность рассматривать историческое бытие человека с позиций знаний о среде его обитания — экономике, культуре, политике, психологии, обычаях, эмоциях, языке.



Устойчивый интерес «новая история» проявляла к глубинным структурам истории, к таким социальным процессам как миграция, урбанизация и другим формам мобильности в обществе. Были открыты сферы исследований имевшие не привычный подтекст, ранее остававшиеся неизвестными или сознательно игнорировавшиеся. Предпринималась попытка создать новую разновидность социальной истории: подойти к социальным проблемам через судьбу отдельного человека или «малых групп» в обществе. Вчерашние антигерои истории стали ее героями: иммигранты, диссиденты, маргиналы, «цветные», «черные», сексуальные меньшинства, бродяги, преступники. Определяющую роль в развитии социальной истории сыграло движение за «историю снизу» или «народную историю». Одним из важных направлений стало развитие «устной истории». Деятельность первого поколения историков, работающих в этой сфере, была направлена на собирание материалов для создания биографий видных политических деятелей США. В скором времени во Франции, используя накопленный опыт, историки обратились к созданию биографий руководителей движения Сопротивления, а в Италии стали собирать устные свидетельства «народной культуры». Это была попытка создания альтернативной, «другой истории». В результате сложились два основных направления «устной истории»: сфера интересов первого касалась истории элит и знаменитостей, второго — истории «народов без истории». Начинается интенсивное развитие устной истории: университеты, музеи, архивы, объединив усилия, создавали совместные исследовательские программы. Приоритетным становился сбор устных свидетельств по темам, связанным с изучением мира простого человека: повседневная жизнь, работа, общественная деятельность, эмоциональное состояние. Уход «новых историков» с главной магистрали, альтернативные тропинки истории открыли такие мифы и потаенные пласты памяти, о которых никто ранее не подозревал.

Принято считать, что вторым рождением «новой» исторической науки явилось ее обращение к истории **ментальностей.** Возможности «очеловечить» историю, стремление переместить внимание с «великих» людей на сферу коллективного действия, стали связываться историками с изучением ментальной сферы. По-существу ментальность воспринималась как противоядие от усиливающегося влияния марксизма. «В зеркале, которое экономическая история держит перед обществом, — замечал Ж. Ле Гофф, — отражаются не лица, не воскрешенные люди, а бледные абстрактные схемы. Не хлебом единым жив человек, но такая история не имела и хлеба, она пробавлялась скелетами, движущимися в автоматическом танце. Против этих бестелесных механизмов нужно было найти противоядие. Нужно было найти для истории нечто иное. Этим иным стала ментальность» (*Ле Гофф Ж. Ментальности: двусмысленная история // История ментальностей, Историческая антропология. М., 1996. С. 21.)*

Разумеется, при изучении истории ментальностей очень остро встала проблема источников. Историк, как правило, располагает источниками отражающими «деяния» выдающихся людей, но выявить их мысли, чувства, реакции на конкретные события удается очень редко. Единственный доступный путь — изучить среду, окружение этих личностей. Именно это исследуют историки ментальностей: «Свита играет короля» (*Шеуджен Э.А. Филипп де Коммин: о королях и придворных // Диалоги с прошлым. Исторический журнал. 2002. № 2. С. 5–14).*

В этом смысле еще более сложно реконструировать ментальность «простого» человека, «молчаливого большинства» не оставивших свидетельств личного плана. Исследуя человеческие чувства и переживания, проникая в таинственное царство воображения, историку необходимы не только источники, но и размышления более широкого порядка. Отмечая это обстоятельство, важно подчеркнуть, что сильная сторона истории ментальностей заключается именно в том, в чем ее часто упрекают — в расплывчатости ее предмета, в попытках выявить, упускаемый другими науками «осадок» исторического прошлого, в стремлении отыскать нечто ускользающее. Именно поэтому историю ментальностей образно называют «историей на перекрестке», «двусмысленной историей».

С историей ментальностей нередко отождествляют историческое направление в психологии. Однако эти два понятия не синонимы, хотя имеют достаточно много точек соприкосновения. Л. Февр считал, что для историка союз с психологией может быть главным шансом на обновление его науки. «Сколько людей расстается с историей, жалуясь, что в ее морях, исследованных вдоль и поперек, больше нечего открывать. Советую им погрузиться во мрак Психологии, сцепившейся с Историей: они вновь обретут вкус к исследованиям*»(Февр Л. Бои за историю. С.109)*. Конечно, ставка делалась на особую, историческую психологию, позволяющую из мозаики разрозненных психологических признаков и социологических норм, создать картину коллективной психологии изучаемой эпохи.

Вполне осознанно начались поиски источников, где историки могли бы получить сведения об эмоциях. С этой целью анализировались свидетельства

самых различных видов, в том числе, лингвистические и художественные. В результате был сделан вывод, что эмоциональность кроется в повседневном существовании: в жилищных условиях, в питании, в гигиене, в физическом самочувствии. Конечно, быт не новая для историков тема, но при таком подходе он представал в виде фундамента для воссоздания «нематериальной» сферы человеческого бытия. Историки, став более тонко реконструировать эмоциональную жизнь, обнаружили удивительные, до того скрытые, «личностные» пласты исторического прошлого.

Неизбежно столь резкие «повороты», решительный отход от традиционной проблематики, не могли не породить самых разных интерпретаций: велась и ведется острая полемика между разными учеными, между разными версиями «новой исторической науки». Пожалуй, главное, что объединяет всех без исключения приверженцев «новой» истории», это неуемная потребность в постоянном пересмотре устоявшихся истин. Возникшая как своего рода вызов, «новая историческая наука» продолжает порождать все новые и новые идеи, и в этом смысле сохраняет право называться «новой».

В 70-е гг. казалось, что историческая наука достигла пика научности, кардинально модернизировала свои цели, структуры, методы, обогатилась идеями смежных наук. Однако все более крепло ощущение, что единая река истории раздробилась на отдельные ручейки, а окольные тропинки, несмотря на завораживающее очарование «новизны», нередко заводят историков в тупики. Возникли разнообразные типы быстро «расплодившихся» историй, которые стали рассматриваться в качестве **постмодернистских** («новые новые истории», «новые старые истории», «новейшие истории» и т.п.). Уже в 1984 г. французский историограф Франсуа Досс резюмировал этот процесс в характерном названии своей книги: «История в осколках»: закончилось время «тотальной истории», вместо единой «территории историка» появилось множество мелких участков. (*См.: Уваров П. История, историки и историческая память во Франции / Способ доступа: www.strana-oz.ru/?numid=20&article=949. 95 КБ.).*

Возникло ощущение кризиса «новой истории». Критическому анализу подверглись практически все основные модернистские направления. «Новую историю» стали критиковать за дробление предмета истории как науки (множество обособленных типов историй), за «размывание» границ профессиональной историографии, за чрезмерное увлечение контекстом исторического сюжета, за концентрацию внимания на несущественных исторических источниках и событиях, за сложность научного языка.

Действительно, интенсивный процесс дифференциации и междисциплинарных взаимодействий, значительно усложнив структуру исторической науки, создал угрозу дезинтеграции исторического знания, но и многому научил историков. В первую очередь пониманию значимости пограничных областей наук, умению решительно «выходить» в новые исследовательские пространства. Ф. Бродель подчеркивал, что история обретает «весь свой смысл только тогда, когда рассматривается на вертикальном срезе: от повседневной жизни на уровне земли, до достижений ... общественной

надстройки» (*Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. Т.1 . С. XXIX*) .

Постмодернистская историографическая практика заключала в себе как критический, так и экспериментальный опыт: происходило развитие теории истории, устанавливались более органичные связи между теорией и практикой историописания. Даже «Анналы», подвергшиеся резкой критике, во многом изменились, став скорее площадкой для экспериментов, чем бескомпромиссным апологетом новых направлений в истории. Примечательно, что на этом этапе развития исторического знания не был отброшен модернистский исследовательский опыт, более того он получил дополнительные импульсы развития. Для историков этого направления, по прежнему, характерен динамизм, стремление пролагать не только новые пути, но и тропинки в историческом познании, неудовлетворенность достигнутыми результатами, парадоксальность выводов, оригинальность стилистики исторических исследований.

«Новая» историческая наука, сыграв ярко выраженную «обновленческую» роль, в известном смысле, стала символом современной историографии. В результате ее развития значительно расширились предмет, проблематика и методы исторического исследования, резко возросли познавательные возможности истории, открылись совершенно неожиданные перспективы. Постепенно заняв ведущее место в западной историографии, она стала своеобразным бунтом против утвердившихся в исторической науке представлений, более того, «живая» и образная пробудила интерес к прошлому у широкого круга людей, не имеющих профессионального отношения к истории.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ. *В поисках нового статуса исторического знания*

Как уже отмечалось, XX в. представлял сложное историографическое явление: начавшись с ощущения методологического кризиса, он завершился еще более выраженной рефлексией, направленной на осмысление историографической традиции и перспектив дальнейшего развития исторического знания. Бесспорно, теоретические дискуссии вокруг модернизма и постмодернизма имели и имеют позитивное значение: они способствуют уяснению вопроса о необычайной сложности реальной истории и ее познания. Современное состояние развития исторического знания, отражая различные линии преемственности, характеризуется критическим отношением к исследовательским традициям, поиском новых теоретико-методологических парадигм развития. На протяжении всего предшествующего столетия историки имели возможность не только наблюдать, но и непосредственно испытать влияние резких «поворотов» и «отказов. Серьезной критике стали подвергаться базовые научные концепции развития человеческого общества: происходило осознание невозможности построения единой общепринятой концепции истории. Наиболее сложная задача, стоявшая перед историческим сообществом,

состояла не в открытии новых сфер исследования, а в том, чтобы *переосмыслить* и *переоценить* достигнутый за века уровень исторического знания.

В общем «многоголосии» теоретико-методологических подходов наиболее четко проявились две тенденции: **сциентическая** и **культурологическая**. В первом случае речь идет о стремлении историка установить исторические события с максимальной точностью. Предпринимаемые историком усилия можно сравнить с деятельностью детектива, пытающегося понять, что в действительности произошло (*Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980. С. 253–256.)* В связи с этим возникает вопрос о смысле представлений о «историческом исследовании» и «написании истории». Под влиянием изысканий в современной теории истории значительно расширились традиционные взгляды на природу исторического исследования и механизмы написания исторических работ. Хорошо известно, что значительная часть историков занимается исключительно историческими исследованиями, десятилетиями ведя трудоемкие изыскания по выявлению и «прочтению» уникальных исторических источников. При этом результаты проведенной сложнейшей исследовательской работы могут быть изложены на нескольких страницах, в кратком отчете, весьма отдаленно напоминающем историческое сочинение и вызывающем интерес лишь узкого круга специалистов. В то же время немало историков стремится обобщить значительные массивы фактов, в том числе уже введенных в научный оборот другими исследователями и на этой основе воспроизвести широкую, образную картину прошлого, давая новую жизнь давно известным событиям.

Во втором случае — о манере, способе «писать» историю. Культурологическая тенденция, по существующему определению, представляет «культурный поворот» истории к собственно своему предмету, к изучению человеческого общества. Историки, работающие в этом направлении, предпочитают говорить о себе как о «культурных историках», специализирующихся по «культуре науки». Подобный подход обусловил перемену представлений о взаимоотношениях между культурой и обществом: утверждается понимание, что культура способна выдерживать серьезные социальные воздействия и даже формировать социальную действительность. Однако, несмотря на интеллектуальные «прорывы» и «прозрения» до настоящего времени радикально отличаются представления о том**,** как пишется, из чего должно состоять историческое сочинение, к какому идеалу следует стремиться. Уже несколько столетий на эти, казалось бы, простые вопросы, пытаются ответить историки и философы различных научных школ и направлений. Речь идет об аргументированности объяснений, манере высказываться, использовании цитат, применении метафор и многом другом.

Конечно, в новой культурной среде не мог не измениться стиль написания исторических работ. Происходит осознание того, что полученные историком результаты могут принимать форму образного литературного повествования,

объясняющей модели, сводной таблицы, результатов компьютерного анализа, но главным остается понимание того, насколько точно удалось реконструировать прошлое, аргументировано объяснить читателю то, о чем написано. «Рисковать как можно больше, — призывает Ф.Анкерсмит — а, стало быть, создавать наиболее невероятное или наиболее неправдоподобное повествование о прошлом — с той существенной оговоркой, что это повествование не должно быть отвергнуто прошлым или будущим историческим исследованием. Словом, будьте смелыми, но никогда не забывайте, о том, что риск, который вы на себя берете, должен быть обдуманным риском» (*Анкерсмит Ф. Возвышенный исторический опыт. С. 12).*Современный этап развития историографии в целом характеризуется «плюрализмом» в области теории и методологии истории, что с одной стороны, придает динамику процессу познания, в то время как с другой, неизбежно обусловливает неустойчивость основания предметной области исторического знания. Произошла заметная дифференциация исторических исследований: наряду с традиционными сочинениями, в принципе доступными для понимания любого образованного человека, появилась масса работ по проблемам теории и методологии, требующих серьезной философской подготовки читателя.

В условиях активного переосмысления теоретических и методологических оснований исторической науки особое значение приобрела интеллектуальная история, направленная на изучение процесса формирования научной картины мира, стиля научного мышления, различных средств и форм научного исследования, фундаментальных принципов, категорий, методов и содержания наук. В сфере ее внимания оказались вопросы, связанные с историей идей, условий и форм интеллектуальной деятельности, средств и институтов интеллектуального общения. Приоритетное место в современной интеллектуальной истории занимает анализ процесса исторического познания, сознания и мышления, что позволяет перейти от традиционного описания исторических концепций, направлений и школ к анализу, главным предметом которого становятся качественные перемены в сознании и творческой практике историков, как определенной интеллектуальной системы, непосредственно взаимодействующей с культурно-исторической средой.

Как следствие в поле зрения оказались не только результаты профессиональной деятельности историка, но и его творческая лаборатория, исследовательская психология, в целом — культура творчества. Исходя из этого подхода, особое значение приобретают воспоминания историков, повествующие о событиях научной жизни, в которых автор принимал непосредственное участие или которые известны ему от очевидцев. В них на первый план выступают личностные оценки автора, нередко соединяющие важные, значимые события с «мелочами» повседневной жизни. Такой своеобразный симбиоз, причудливое сочетание стремления проникнуть в глубины исторического познания и человеческого бытия, способен позитивно повлиять на уровень

историографического анализа, дает возможность более обстоятельно определить место и позиции автора в реальном историческом времени и пространстве.

Перспективной становится история массовых представлений о прошлом, исследование процессов формирования общественного исторического сознания и, в первую очередь, изучение малоисследованных вопросов взаимодействия исторической памяти, исторического знания и исторического сознания. Возрастающее внимание к этой теме актуализирует вопрос — почему загадки памяти истории становятся предметом настойчивого изучения в современной историографии? Обращаясь к этой проблеме, Ф. Анкерсмит упоминает о дискуссии, развернувшейся вокруг статьи Томаса Нагеля «Каково быть летучей мышью?», в которой был поставлен вопрос можем ли мы хоть как-то представить как «чувствует себя изнутри сама летучая мышь»? «По сравнению с этой трудностью, — иронично замечает Ф. Анкерсмит, — сущим пустяком выглядит реконструкция исторического опыта различных поколений людей» (*Анкерсмит Ф. Возвышенный исторический опыт. М., 2007. С. 113–114).*

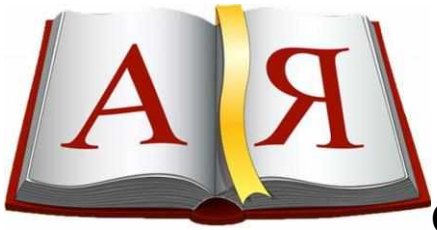
Одной из важных проблем научного знания является трансформация идей в аргументированные, не двузначные понятия. По мере углубления в исследуемую проблему понятия могут уточняться или, по-прежнему, сохранять неопределенность. Конечно, при этом нельзя не учитывать, что языковые конструкции в гуманитарных дисциплинах гораздо более «мягкие», чем в науках точных. Неудивительно, что постмодернистская эпистемологическая революция, учитывая постоянно изменяющийся словарь специальных понятий и терминов, актуализировала проблему «языка» исторической науки. В моду стали входить новые спорные термины и понятия, заимствованные из других наук, «открепившиеся от якорей» (*Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М., 1977; Фуко М. Археология знания. СПб., 2004 и др*).

Причем далеко не всегда новый словарь в когнитивном плане превосходит предшествующий, лучше отражает реальность, а не политические или идеологические цели. Появилось ощущение, что в историческую науку пришли носители особого языка, многим просто непонятного. Историографы заговорили о жаргоне, как «дымовой завесе», скрывающей отсутствие понимания содержания. Нечеткость категориального инструментария, «обиходное» обращение с понятиями и терминами, наглядно свидетельствующее об имеющихся «пробелах» в историческом знании, не могло не стать предметом анализа теоретиков истории. М. Фуко, концептуализируя свой исследовательский опыт предлагал, восстановив связь между «словами» и «вещами», возвратить в «плоскость критического рассмотрения такие базовые понятия как «традиция», «влияние», «развитие».

За многие века развития историческая наука пережила глубокую внутреннюю трансформацию: сменялись поколения историков, видоизменялись предмет и способы исторического познания, определялось отношение к документальным свидетельствам, утверждалось понимание значимости памяти о прошлом. С особым упорством, преодолевая сомнения и ошибки, историки пытались постичь тайны прошлого, специфику истории как науки, все более

четко осознавая, что историческое прошлое совершенно особый, уникальный, неповторимый, постоянно переходящий из одного состояния в другое мир, исчезающий и вновь возникающий из глубин веков.

Бесспорно, сегодня научная ситуация кардинально изменилась: «время сомнений» поставило перед сообществом историков немало вопросов. Сейчас, спустя десятилетия, можно сказать, что на большинство из них, так или иначе, получены ответы. Тем не менее, характерной особенностью развития исторического знания продолжает оставаться не только его чрезвычайная динамичность, но и усиливающаяся неопределенность, ставшая горьким лекарством от чрезмерных интеллектуальных амбиций. Здравый смысл приводит к мысли, что даже в рациональном XXI веке человечество нуждается в прошлом и стремится поддерживать живую связь с ним.



Словарь терминов и понятий[1]

Абстра́кция (лат. abstractio — отвлечение) — теоретическое обобщение как результат абстрагирования, отвлечения в процессе познания от несущественных сторон, свойств, связей объекта (предмета или явления), т.е. отвлечения, мысленного выделения какой-либо стороны, аспекта и отбрасывания всего того, что мешает целенаправленному рассмотрению элемента (объекта) исследования.

Актуализация (лат. actualis — деятельный, действенный) — действие, направленное на приспособление чего-либо к условиям данной ситуации; в методологии науки — использование актуалистического метода (сравнительно-исторического), согласно которому на основе изучения современных процессов можно судить об аналогичных процессах прошлого.

Аксиология (от греч. Axia — ценность и logos — учение) — учение, исследующее духовные ценности и их соотношение с миром реальностей.

Аксио́ма (др.-греч. ἀξίωμα «утверждение, положение») — исходное положение какой-либо теории, принимаемое в рамках данной теории истинным без требования доказательства и используемое при доказательстве других положений этой теории.

---

[1]. Большой словарь иностранных слов / А.Н. Булыко. М.: Мартин, 2006. 703 с.; Краткий философский словарь / Г.Г. Кириленко, Е.В. Шевцов. М.: АСТ, 2010. 480 с.; Новейший словарь иностранных слов/ Е. А. Окунцова. М.: Айрис-пресс, 2009. 510 с. и др.

Альтернати́ва (фр. **alternative**, лат. alternatus — другой) — необходимость выбора одной из двух или более исключающих друг друга возможностей, а также каждая из этих возможностей. Альтернативность в истории — представление, допускающее одну из двух или нескольких возможностей развития событий.

Анализ (греч. analysis — разложение) — в самом общем значении процессы мысленного или фактического разложения целого на составные части, играющий важную роль в познавательном процессе и осуществляющийся на всех его ступенях.

Антропология (греч. antropos — человек) — наука о происхождении и эволюции человека, образовании человеческих рас и о нормальных вариациях физического строения человека.

Аполо́гия (др.-греч. ἀπολογία — «оправдание») — защитительная речь или защитительное письмо, сочинение, текст, направленный на защиту чего- или кого-либо.

Библиография (др.-греч. βιβλίον — «книга» и γράφω — «пишу») — перечень книг, которые что-то объединяет: например общий автор, описание одного и того же события или принадлежность к списку рекомендуемой литературы по конкретному предмету.

Верификация (лат. *verus*— «истинный» и *facere*— «делать») — проверка, способ подтверждения, отделения научного знания от не научного с помощью доказательств каких-либо теоретических положений, программ и процедур путём их сопоставления с опытными данными и программами.

Генезис (греч. genesis) — происхождение, возникновение) — первоначально термин был применен в древнегреческой мифологии. Впоследствии получил распространение в философии (Гераклит, Кант, Гегель и др.).

Герменевтика (греч. hermeneutike), в широком смысле — искусство истолкования и понимания текстов, первоначально относилась к интерпретации религиозных текстов и смыслов.

Гносеология (греч. gnosis — познание и logos — учение) — раздел философии, изучающий взаимоотношение субъекта и объекта в процессе познавательной деятельности, отношение знания к действительности, возможности познания мира человеком, критерии истинности и достоверности знания.

Гуманизм (лат. homo — человек, humanus — человеческий, человечный) — воззрение, признающее человека высшей и абсолютной ценностью, утверждающее его свободу и достоинство, а также право на развитие и реализацию всех заложенных в нем способностей. С точки зрения гуманизма,

благо человека является главным критерием общественного развития. Гуманизм, как идейное движение, возник в эпоху Возрождения (XIV-XVI вв.)

Детерминанты (лат. determino — определяю) — определяющие начала событий или явлений, оказывающие причинное или иное влияние на другие события или явления

Дефиниция (лат. Definitio — определение) — логическая операция раскрывающая содержание (смысл) посредством описания существенных и отличительных признаков предметов или явлений, обозначаемых данным именем

Диалектика (греч. dialegomai — веду беседу, рассуждаю), первоначально этим термином обозначались: способность вести спор посредством вопросов и ответов; искусство классификации понятии, разделения вещей на роды и виды. Как способ мышления учитывает многообразие связей исследуемого явления, взаимодействие противоположных тенденций в процессе его развития.

Дискурс (франц. discours, англ. discourse — речь; рассуждение) —организация речевой деятельности (письменной или устной), характерная для той или иной дисциплины («научный дискурс»).

Дифференциация (лат. *differentia* — «различие») — разделение, разведение процессов или явлений на составляющие части.

Доктрина (лат. doctrina) - учение, научная или философская теория, система представлений, руководящий теоретический принцип.

Диалог (греч. — беседа, разговор) — термин, используемый для обозначения особого уровня коммуникативного процесса, на котором происходит слияние личностей участников коммуникации, часто противопоставляется монологу как речи в одиночестве, не вызывающей адекватной реакции потенциального собеседника. Такое взаимодействие ведет к кристаллизации идей, их творческому взаимодействию и синтезу.

Закономéрность — необходимая, существенная, постоянно повторяющаяся взаимосвязь явлений реального мира, определяющая этапы и формы процесса становления, развития явлений природы, общества и духовной культуры.

Идéя (др.-греч. ἰδέα — вид, форма, прообраз) — в широком смысле мысленный прообраз какого-либо действия, предмета, явления, принципа, выделяющий его основные, главные и существенные черты.

Интеграция *(*лат.integratio — восстановление, восполнение, от integer—*це*лый*)*, — сторона процесса развития, связанная с объединением в целое ранее разнородных частей и элементов.

Информа́тика (фр. Informatique; англ. Computer science) — наука о методах и процессах сбора, хранения, обработки, передачи, анализа и оценки информации с применением компьютерных технологий...

Истина — знания, которые правильно выражают содержание, свойства, отношения изучаемого объекта.

Историзм (греч. Historia) — принцип исследования, требующий изучения всякого явления в его генезисе и развитии, конкретно-исторической обусловленности и индивидуальности, требующий рассматривать любое явление в его возникновении, развитии и изменении.

Историческая информатика — направление в исторической науке, возникшее на стыке источниковедения, информатики и квантитативной истории; в его основе лежит формализация и компьютерная обработка исторических источников, разработка и использование новых компьютерных технологий исследования, создание компьютерных программ обучения.

Истори́ческая па́мять — набор передаваемых из поколения в поколение **исторических** сообщений, мифов, субъективно преломленных рефлексий о событиях прошлого, особенно негативного опыта.

Исторические источники — комплекс документов и предметов материальной культуры, непосредственно отразивших исторический процесс, запечатлевших отдельные факты и свершившиеся события, на основании которых воссоздается представление о той или иной исторической эпохе, выдвигаются гипотезы и делаются выводы.

Исто́рия (др.-греч. ἱστορία) — область знаний, а также гуманитарная наука, занимающаяся изучением человека (его деятельности, состояния, мировоззрения, социальных связей, организаций и так далее) в прошлом.

Категории (греч. kategoria — определение, высказывание) — наиболее общие понятия, отражающие основные свойства и закономерности явлений объективной реальности и определяющие характер научно-теоретического мышления эпохи.

Классификация (классифицирование) (от лат.*classis* — разряд и лат.*facere* — делать) — особый случай применения логической операции деления объема понятия некоторого класса на виды согласно каким-либо важным признакам. Классификация по существенным признакам называется типологией.

Конте́кст (лат. contextus — «соединение», «связь») — законченный отрывок письменной или устной речи (текста), общий смысл которого позволяет уточнить значение входящих в него отдельных слов, предложений.

Концепция (лат. conceptio — понимание, система*)* — определенный способ понимания, трактовки какого-либо предмета, явления, процесса, основная руководящая идея для их освещения.

Культура (лат. cultura — возделывание, воспитание, образование) — система исторически развивающихся программ человеческой деятельности, поведения и общения, выступающих условием воспроизводства и изменения социальной жизни во всех ее основных проявлениях.

Личность (лат. persona — маска, роль актера) — понятие, обозначающее социально-культурно-психологический портрет человека.

Материя (лат. materia — вещество) — философская категория для обозначения объективной реальности, которая дана человеку и которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них.

Методология (гр. methodos — способ познания, logos — учение) —система принципов и способов организации и построения теоретической и практической деятельности, а также учение об этой системе; теория о путях и методах формирования научного знания.

Мнемо́ника (др.-греч. μνημονικόν — искусство запоминания), мнемоте́хника — совокупность специальных приёмов и способов, облегчающих запоминание нужной информации и увеличивающих объём памяти путём образования ассоциаций.

Модернизм (лат. modernus — «современный, недавний») — неклассический тип философствования, радикально дистанцированный от классического интеллектуальным допущением возможности плюрального моделирования миров. Модернистская парадигма была одной из лидирующих в западной цивилизации первой половины XX в.

Наука — сфера познавательной деятельности людей, поиск новых знаний о мире, приведенная в логически непротиворечивую систему сумма знаний на основе выработки научных понятий и научных теорий, формулировки законов, принципов, позволяющих делать верное описание, объяснение и предсказание процессов и явлений действительности.

Научная школа — оформленная система научных взглядов, а также научное сообщество, придерживающееся этих взглядов. Формирование научной школы происходит под влиянием лидера, эрудиция, круг интересов и стиль работы которого имеют определяющее значение для привлечения новых сотрудников. Отношения внутри такого научного коллектива способствуют обмену информации на уровне идей (а не конечных результатов исследований), что значительно повышает эффективность творческой научной работы.

Парадигма (гр. paradeigma — пример, образец) — теория или модель постановки проблемы, принятая в качестве основы для решения исследовательской задачи.

Периодизация истории — особого рода систематизация, которая заключается в условном делении исторического процесса на определённые хронологические периоды. Эти периоды имеют те или иные отличительные особенности, которые определяются в зависимости от избранного основания (критерия) периодизации. Для периодизации могут избираться самые разные основания: смена типа мышления, способов коммуникации, экологических трансформаций, социально-экономических отношений.

Понятие — мысль, отражающая в обобщённой форме предметы и явления действительности и связи между ними посредством фиксации общих и специфических признаков, в качестве которых выступают свойства предметов и явлений и отношения между ними.

Рациональность (от лат. rationalis — разумный) — характеристика познавательного процесса, связанного с моделированием реальности в системе понятийных конструкций. Важнейший инструмент рациональности - определение понятий.

Редукционизм (лат. reductio — возвращение к прежнему состоянию) — методологическая установка на сведение сложного к более простому и построение общей картины мира, основанной на небольшом количестве простых исходных принципов.

Репрезента́ция (лат., repraesentatio, от re, и praesetare представлять) — это воспроизведение виденного, слышанного, прочувствованного человеком с возможными изменениями представляемой информации вследствие влияния времени, состояния памяти, эмоционального момента.

Рефлексия (лат. reflexio — обращение назад) — способности мышления осознавать свои собственные мысли, осознанно ими манипулировать, критически их оценивать.

Синонимы (др.-греч. σύν — вместе и ὄνομα — имя) — слова, принадлежащие, как правило, к одной и той же части речи, различные по произношению и написанию, но имеющие похожее лексическое значение.

Синтез (греч. synthesis —- соединение, сочетание) — мыслительный процесс, характеризующийся стремлением к объединению в единое целое всех составляющих данного объекта познания.

Система (греч. — целое, составленное из частей соединение*)* — упорядоченное множество элементов, взаимосвязанных между собой и образующих некоторое

целостное единство; порядок, обусловленный планомерным, правильным расположением частей в определенной связи, строгой последовательностью действий; совокупность хозяйственных единиц, учреждений родственных по своим задачам и организационно объединенных в единое целое.

Структура (лат. structura — строение, расположение, порядок) —расположение и связь частей, составляющих целое; внутреннее строение чего-либо; совокупность устойчивых связей объекта, обеспечивающих его целостность и тождественность самому себе, т.е. сохранение основных свойств при различных внешних и внутренних изменениях.

Теология (греч. theos — бог, logos - слово, учение) — богословие, учение о Боге. Особенно большое развитие получила в христианстве.

Термин (лат. terminus — предел, граница) — слово или словосочетание, являющееся названием некоторого понятия какой-нибудь области науки, техники, искусства и так далее.

Универсалии (лат. univarsalis — общий) — общее, общие понятия.

Факт (лат. factum) — событие, явление, то, что произошло в действительности. общенаучная категория, обозначающая конечные единицы изучаемого предмета, знание о которых должно обладать достоверностью.

Философия (греч. phileo — люблю и sophia — мудрость) — наука о всеобщих закономерностях, которым подчинены как бытие (т.е. природа и общество), так и мышление человека, процесс познания.

Функция (лат. Functio -исполнение,осуществление) в истории роль, которую выполняет определенный социальный институт или процесс по отношению к целому (например, функция государства,семьи и т.д. в обществе).

Цивилизация (лат. — гражданский) — устойчивое культурно-историческое сообщество людей, отличающееся общностью духовно-нравственных ценностей и культурных традиций, сходством материально-производственного и социально-политического развития, особенностями образа жизни и типа личности, наличием в большинстве случаев общих этнических признаков и соответствующих географических рамок.

Эволюция (лат. evolutio— развёртывание*)*, в широком смысле — синоним развития; процессы изменения, протекающие в живой и неживой природе, а также в социальных системах.

Этнология (греч. ἔθνος — народ и логос — учение, наука) — область науки, изучающая генезис, сущность, функции и закономерности в развитии различных народов.

Этнос (греч. Ethnos - группа, племя, народ) -группа людей, объединенная длительным совместным проживанием на определенной территории, общими языком, культурой и самосознанием.

Задание

Выделите в предложенных текстах термины и понятия, не вошедшие в данный словарь, объясните их значение.

Предварительные пояснения

Ключевые слова – это обязательные словосочетания или отдельные слова, которые определяют содержание конкретного текста. Оптимальное количество и правильно подобранные ключевые слова в тексте позволяют сайтам оказываться на высоких позициях списков поисковиков.

Комментарий (от латинского commentarius - заметки, толкование), 1) книжный комментарий (примечания) - пояснения к тексту, часть научно-справочного аппарата книги. 2) В системе средств массовой информации - разновидность оперативного аналитического материала об общественно-политическом событии, документе и т.п.

Идéя (др.-греч. ἰδέα — вид, форма, прообраз) в широком смысле — мысленный прообраз какого-либо предмета, явления, принципа, выделяющий его основные, главные и существенные черты

Задания

Внимательно прочтите извлечения из работы: Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография / Перевод и комментарии Ю. А. Асеева; Статья М. А. Кисселя; Отв. ред.: И. С. Кон, М. А. Киссель — М.: Наука, 1980. — 488, [2] с. и выполните следующие задания

**** Выделите «ключевые слова» (7-10)***

**** Прокомментируйте логику выдвинутых Р. Коллингвудом основных положений.***

****Подтвердите или опровергнете (на конкретных примерах) выдвинутые Р. Коллингвудом утверждения.***

****Выпишите выделенные Р. Коллингвудом «трудные» вопросы и попытайтесь на них ответить.***

****Заполните диалоговую таблицу.***

Диалоговая таблица

Идеи	***Комментарий***

Робин Джордж Коллингвуд (англ. Robin George Collingwood; 22 февраля, 1889 года, Ланкашир — 9 января, 1943 года, Ланкашир) — британский философ и историк, специалист по древней истории Британии. Родился в семье академика В. Г. Коллингвуда. Учился в Оксфордском университете.

Самый знаменитый труд — «Идея истории», посвященный философии истории, издан после смерти автора. Р. Коллингвуд был связан не только с философией истории, но и практически занимался историей и археологией. Одновременно с философскими трудами опубликовал ряд классических исторических работ «Римская Британия» (1923) и «Археология римской Британии» (1930).

***Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография / Перевод и комментарии Ю. А. Асеева; Статья М. А. Кисселя; Отв. ред.: И. С. Кон, М. А. Киссель — М.: Наука, 1980. — 488, [2] с. ***

Р. КОЛЛИНГВУД
ИДЕЯ ИСТОРИИ
АВТОБИОГРАФИЯ
ПЕРЕВОД И КОММЕНТАРИИ
Ю. А. АСЕЕВА
СТАТЬЯ
М. А. КИССЕЛЯ
ИИ З Д А Т Е Л Ь С Т В О " Н А У К А "
М О С К В А - 1980

Извлечения

§ 2. ПРИРОДА ИСТОРИИ, ЕЕ ПРЕДМЕТ, МЕТОД И ЗНАЧЕНИЕ

«Что есть историческая наука, о чем она, в чем суть исторического познания, чему оно служит — вот вопросы, на которые люди, хоть немного отличающиеся друг от друга, ответили бы по-разному. Но вопреки всем различиям многое бы в их ответах совпало, и это совпадение станет еще более полным, если их ответы подвергнуть тщательному критическому анализу, чтобы отбросить те из них, которые даются неквалифицированными людьми.

История точно так же, как теология или естественные науки , — особая форма мысли. Раз это так, то на вопросы о природе, предмете, методе и значении данной формы мысли должны отвечать люди, наделенные двумя качествами. Первое. Они должны иметь собственный опыт исторического мышления. Они должны быть историками. В известном смысле сегодня мы все — историки. Все образованные люди прошли через обучение, включавшее в себя некоторые элементы исторического мышления. Однако это отнюдь не дает им права высказывать свои суждения о природе, предмете, методе и значении исторического мышления. Прежде всего, потому, что опыт исторического мышления у них, по всей вероятности, очень поверхностен, и мнения, основывающиеся на нем, будут поэтому не более основательными, чем мнения о французах у человека, которому раз в жизни случилось провести субботу и воскресенье в Париже.

Во-вторых, любой опыт, приобретаемый через обычные образовательные каналы, всегда оказывается не только поверхностным, но и устаревшим. Опыт исторического мышления, приобретаемый таким образом, формируется учебниками, а учебники всегда описывают не то, что сейчас думают настоящие современные историки, а то, что думали историки прошлого, историки того времени, когда создавался тот исходный материал, на базе которого и были составлены учебники. К моменту включения в учебники устаревают не только результаты исторического мышления. Устаревают также и его принципы — т. е. идеи о природе, предмете, методе и ценности исторического мышления.

И, в-третьих, с этим связана и своеобразная иллюзия, характерная для всех знаний, приобретаемых через образовательные к а н а л ы , — иллюзия завершенности. Когда исследователь находится in statu pupillari (на положении ученика, лат.) по отношению к любой научной дисциплине, он должен верить в разрешенность всех ее вопросов, потому что его учителя и учебники считают их решенными. Когда же он выходит из этого состояния и приступает к самостоятельным исследованиям, он обнаруживает, что ничто не решено. Его догматизм, этот неизменный признак незрелости, исчезает. Он смотрит на так называемые факты новыми глазами.

Он говорит самому себе: «Мой учитель и учебники сказали мне, что то-то и то-то истинно. Но истинно ли оно? На каком основании считают они это истинным? И адекватны ли эти основания?»

С другой стороны, если он выходит из ученического состояния, но не продолжает самостоятельно изучать предмет, то он никогда не

освободится от своих догматических установок. А это делает его совершенно неспособным дать ответы на вопросы, поставленные мною...

...Для квалифицированного ответа на все эти вопросы необходимо и второе качество: человек должен не только располагать опытом самостоятельного исторического мышления, но и осмыслить этот опыт, сделать его предметом своей рефлексии. Он должен быть не только историком, но и философом; в частности, в его философских размышлениях особое внимание должно быть уделено проблемам исторического мышления. Однако можно быть достаточно хорошим историком (хотя и не высшего ранга), не размышляя над собственным историческим мышлением.

А вполне приличным преподавателем истории (хотя и не самым лучшим) даже легче быть без размышлений подобного рода. В то же самое время очень важно понимать, что сначала приходит опыт, а уже потом — размышления над ним. Даже историк, наделенный минимальной рефлексией, обладает нашим первым качеством. У него есть опыт, то, над чем можно думать, и, если от него потребуется осмыслить этот опыт, у него хорошие шансы на то, что ему это удастся. Историк, который никогда не уделял большого внимания философии, по-видимому, даст более разумные и ценные ответы на наши четыре вопроса, чем философ, мало занимавшийся историей.

Поэтому я предложу такие ответы, которые, думается мне, окажутся приемлемыми для любого современного историка...

А. О п р е д е л е н и е и с т о р и и. Каждый историк, как мне кажется, согласился бы с тем, что история — это разновидность исследования или поиска. Я пока не ставлю вопроса о характере этого исследования. Главное в том, что оно — разновидность того, что мы называем науками, т. е. тех форм мышления, посредством которых мы задаем вопросы и пытаемся ответить на них. Важно понять, что наука вообще не заключается в коллекционировании уже познанного, и в систематизации последнего в соответствии с той или иной схемой. Она состоит в концентрации мысли на чем-то таком, чего мы еще не знаем, и в попытке его познать...

Вот почему вся наша наука начинается со знания нашего собственного незнания — не незнания всего, а незнания какой-то определенной вещи: происхождения парламента, причин рака, химического состава Солнца, незнания того, как заставить работать насос, не применяя физической энергии человека, лошади или иного прирученного животного. Наука — это поиск, и в этом смысле история — наука.

Б. П р е д м е т и с т о р и и . Науки отличаются друг от друга тем, что они ищут вещи разного рода. Какие вещи ищет история? Я отвечаю: res gestae (события, деяния (лат.) — действия людей, совершенные в прошлом. Хотя этот ответ поднимает множество дополнительных вопросов, многие из которых вызывают острые дискуссии, все же на них можно дать ответы,

и эти ответы не опровергают нашего основного положения, согласно которому история — это наука о res gestae, попытка ответить на вопрос о человеческих действиях, совершенных в прошлом.

В. К а к д е л а е т с я и с т о р и ч е с к а я н а у к а ? История есть интерпретация фактических данных (evidence), причем фактические данные — это собирательное имя для вещей, которые по отдельности называются документами. Документ же — вещь, существующая здесь и теперь, вещь такого рода, что историк, анализируя ее, может получить ответы на поставленные им вопросы о прошлых событиях. Тут снова возникает множество трудных вопросов о том, что такое фактические данные и как они интерпретируются. Сейчас нам нет необходимости поднимать их. При всех возможных ответах на них историки согласятся, что историческая процедура, или метод, заключается в сущности в интерпретации фактических данных. Г. Наконец, для чего нужна история ?

Вероятно, этот вопрос сложнее других. Человеку, пытающемуся ответить на него, надо обладать более широкой способностью крефлексии, чем человеку, отвечающему на три первых вопроса, ответы на которые мы уже дали. Объектом его размышлений должно стать не только историческое мышление, но и другие вещи, потому что утверждение «это для того-то» предполагает разграничение между А и В, где А полезно для чего-то, а В — то, чему оно полезно. Но я предложу ответ на этот вопрос и надеюсь, что ни один историк не будет возражать против него, хотя он и породит много других и трудных вопросов Ответ мой таков: история — «для» человеческого самопознания. Принято считать, что человеку важно познать самого себя, причем под познанием самого себя понимается не только познание человеком его личных особенностей, его отличий от других людей, но и познание им своей человеческой природы. Познание самого себя означает, во-первых, познание сущности человека вообще, во-вторых, познание типа человека, к которому вы принадлежите, и, в-третьих, познание того, чем являетесь именно вы и никто другой.

Познание самого себя означает познание того, что вы в состоянии сделать, а так как никто не может знать этого, не пытаясь действовать, то единственный ключ к ответу на вопрос, что может сделать человек, лежит в его прошлых действиях. Ценность истории, поэтому и заключается в том, что благодаря ей мы узнаем, что человек сделал, и тем самым — что он собой представляет...».

Рекомендованная литература

Учебная литература

Репина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю. История исторического знания: учебник. 4 изд. — М: Дрофа, 2016. — 290 с.

Прохорова Л.Д. **История исторической науки**: учебное пособие. – Омск: Изд-во ОмГТУ, 2010. — 88 с.

Скребнев В.А. История как наука: учебное пособие. — Тамбов: Изд-во ТГТУ, 2012. — 80 с.

Шеуджен Э.А. Историческое знание и историческая память: западноевропейская традиция взаимообусловленности. — М., - Майкоп, Изд-во АГУ, 2012. — 256.

Интернет-ресурсы научной школы Э.А. Шеуджен «Теория и методология истории» / Способ доступа: s-istory.adygnet.ru›struct/**sheudzhen**.htm.

Монографическая литература

Анкерсмит Ф. Возвышенный исторический опыт. — М.: Европа, 2007. — 612.

Барг М. *А.* Эпохи и идеи: Становление историзма. — М.: Мысль, 1987. — 348 с.

Блок М. Апология истории или ремесло историка. — М.: Наука, 1986. — 259 с.

Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. В 3 т. — М,. 2006 .

Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. — М.: Наука, 1977. —793 с.

Дройзен И. Г. Историка. — СПб.: В. Даль., 2004. — 584 с.

Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. — М.: Наука, 1980. — 488 с.

Кроче Б. Теория и история историографии. — М.: Языки русской культуры,, 1998. —192 с.

Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. — Екатеринбург: У-Фактория, 2005.— 560 с.

Медушевская *О.М.* Теория и методология когнитивной истории, — М.: РГГУ, 2008 —358 с.

Ницше Ф. Сочинение. В 2 т. Т.1. — М.: Мысль, 1990. — 830 с.

Про А. Двенадцать уроков по истории. — М.: Изд-во РГГУ, 2000. - —336 с.

Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX - XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. — М.: Кругъ, 2011. — 560 с

Рикёр П. Память, история, забвение. — М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2004. — 728 с.

Савельева И.М., Полетаев А.В. Социальные представления о прошлом: источники и репрезентации. — М.: ГУ ВШЭ, 2005—52 с.

Тойнби А.Дж. Постижение истории. — М.: Прогресс, 1991 .— 736 с.

Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века. — Екатеринбург: Изд-во УГУ, 2002. — 528 с.

Февр Л. Бои за историю. — М.: Наука., 1991— 635 с.

Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. — М.: Новое изд-во, 2007. — 348 с.

Хаттон П *История как искусство памяти.*. — СПб.: Изд-во В.Даль, 2003. —424с.

Ясперс К. Смысл и назначение истории. — М.: Политиздат, 1991. —527 с.

Контрольные вопросы

1. Причины повышения общественного интереса к истории на разных этапах развития исторического знания.

2. В классификаторах наук, к какой группе относится история?

3. Диалектика понятия «история».

4. Проанализируйте понятия «история» и «историография».

5. В чем смысл и назначение истории?

6. Функции исторической науки: какая из функций наиболее значима?

7. Критерии и признаки развития исторической науки: идея прогресса.

8. Объект, предмет и субъект исторического познания: место в гносеологической схеме.

9. Основные подходы, лежащие в основе структурирования исторической науки

10. Периодизация исторической науки: теоретико-методологической значение

11. В чем вы видите прагматизм античной историографии.

12. Провиденциализм: степень влияния на историческое знание.

13. Назовите основные этапы развития новой истории.

14. Модернистский «поворот» в исторической науке: новационные идеи.

15. Прокомментируйте название книг французских историографов Л. Февра «Бои за историю» и Ф. Досс «История в осколках».

16. Обоснуйте актуальность проблемы междисциплинарности.

17. Историческая память и забвение.

18. Составьте и кратко обоснуйте карту- схему «Места памяти Адыгеи».